

Univerzita Karlova v Praze
Pedagogická fakulta
Katedra rusistiky a lingvodidaktiky

Pražská rusistika

Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference
mladých rusistů Pražská rusistka X. a XI. na PedF UK
v Praze

Lilia Nazarenko (editor)

Тираж

Editor sborníku: Doc. Lilia Nazarenko, CSc.

Vydavatel: Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze

ISBN: 978-80-7290-502-7

*Pražská rusistika: Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference mladých rusistů
Pražská rusistika X. a XI. na PedF UK. Lilia Nazarenko (ed.). Praha: Pedagogická fakulta
Univerzity Karlovy v Praze, 2013, 85 s. ISBN 978-80-7290-502-7.*

Информация о сборнике

Название сборника:

Пражская русистика. Сборник статей международной научной конференции молодых русистов Пражская русистика X и XI, реализованной на Педагогическом факультете Карлова Университета в Праге

Составитель сборника:

Лилия Назаренко, доцент, кандидат наук

Издательство:

Изд-во Педагогического факультета Карлова Университета в Праге

Год издания:

2013

Количество страниц:

85

ISBN:

978-80-7290-502-7

Obsah

Эквивалентность и образность чешских и русских фразеологизмов семантического поля власть (Мария Старостина)	4
Языковой образ курицы и его репрезентация в польской и русской фразеологии (М. Вронски)	8
Nová ruská frazeologie a problémy jejího osvojení studenty VŠ (Petra Fojtů).....	12
Лингвокультурологический потенциал фольклорного микротекста (на материале русских и чешских бытовых примет) (А. Бадестова)	16
Культурно-семантическое пространство этимонимов русского и чешского языков (Александра Васильевна Назарчук)	19
Анализ переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на словацкий язык. Перевод культурных реалий 19 века, обозначающих еду (Наталья Докучиц)	22
Preklad nenormatívnej lexiky v románe V. Sorokina Opričníkov deň (Zuzana Lorková)	30
Dramatizmus zmien v prekladaní ruských dramatických textov do slovenčiny v období 1985 – 2005 (konceptia, základné východiská a hypotézy) (Lucia Mattová)	35
Особенности русского менталитета на фоне романа И.А. Гончарова «Обломов» (Екатерина Сташевская)	44
Место аллюзии в постмодернизме на примере романа В. Пелевина "Священная книга оборотня" (Юлия Гапоненкова)	53
Цветы в системе образности Ф. И. Тютчева и А. А. Фета (Андреа Габурова)	60
Трансформация образа дома в романном творчестве Л.Улицкой (Наталья Шведюк)....	66
О новых терминах в языке уголовного права (Д.А.Валентинова)	71
«Русская мафия» на страницах чешской прессы кон. XX в. – нач. XXI в. К вопросу о роли СМИ в формировании этнических стереотипов (Марина Губина).....	75
Internetová komunikace – píšeme nebo mluvíme? K problematice fungování ruského jazyka ve virtuálním prostředí (Jakub Konečný)	80

Эквивалентность и образность чешских и русских фразеологизмов семантического поля власть

Мария Старостина

Университет им. Палацкого в Оломоуце

Переводу фразеологизмов уделено немало внимания в теоретических работах, в каждом пособии по переводу, в особенности по переводу художественной, публицистической, общественно-политической литературы, во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике. Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. И это, естественно, в порядке вещей: однозначного, стандартного, одного на все случаи жизни решения здесь быть не может. Очень часто даже при наличии эквивалента, приведенного в словаре, приходится искать иные пути перевода, так как этот эквивалент не ложится на данный контекст. В реальном переводе ситуация может потребовать индивидуального подхода и решения, «поэтому и противоречивые (в теории) советы не всегда нужно считать несовместимыми: например, если один автор предлагает переводить пословицу пословицей, а другой — калькой или путем подстановки, иногда приходится считать, что прав и тот и другой» (Влахов, Флорин 1986, 181).

Решая вопрос о переводоведческой классификации ФЕ, мы, вслед за Влаховым и Флориным, не привязываем нашу схему к какой-либо конкретной лингвистической схеме. За основу мы принимаем негласное правило, что фразеологизм переводится фразеологизмом. Выбор же какого-либо иного переводческого решения обуславливается отсутствием эквивалента в языке перевода или условиями контекста исходного текста.

Как показывает практика, при переводе фразеологических единиц стопроцентных совпадений значений и коннотаций исходного языка и языка перевода оказывается не так много. Эквивалент, как правило, находится в плоскости между полным эквивалентом и нефразеологическим переводом. Что касается самого определения эквивалента, то под ним, как правило, понимают единицу, «установившуюся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов» (Рецкер 1974, 10).

Как уже отмечалось выше, выбор того или иного эквивалента, в конце концов будет зависеть от конкретного контекста и его цели, однако, в нашем случае, языковой материал отбирался вне контекста, поэтому эквивалентами мы будем считать именно постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста.

В нашем случае, сопоставляя и анализируя чешскую и русскую фразеологию и решая проблему межъязыковой эквивалентности, мы опираемся на современные классификации соотношений фразеологии оригинала и перевода по степени их функционального и семантико-стилистического соответствия (Heesch 1997, 178; Kammer 1985, 82; Влахов, Флорин 1986, 232-237; Kosta 1986, 496-499) для практических целей, можно установить основные типы межъязыковых

фразеологических эквивалентов: а) полные эквиваленты; б) частичные эквиваленты; в) относительные эквиваленты; г) фразеологические аналоги; д) безэквивалентные фразеологизмы (Мокиенко, Степанова 2008, 37-38).

Полные эквиваленты – это такие фразеологизмы в двух и более языках, которые имеют тождественную структуру, образную основу и переносное значение. Важно также, что они тождественны в разных языках и по своему функционально-стилистическому воздействию, например, *verchní deset tisíc* и *сильные мира сего* - *mocní tohoto světa*, *silní tohoto světa*, *horních deset tisíc*, *взять на себя бразды правления* - *brát otěže do svých rukou*, *прійти к власти* - *přijít k moci*, *брать власть в свои руки* - *uchopit moc do svých rukou*, *прибрать вожжи к рукам* *brát* - *vzít opratě do rukou*, *сильные мира сего* - *mocní tohoto světa*, *правая рука кого* – *pravá ruka*, *первая скрипка* - *první housle*, *загнуть (принереть, прижать) в угол кого* – *zahnat koho do kouta* и т.д.

Частичные эквиваленты – фразеологизмы, которые при тождестве семантики и внутренней формы отличаются друг от друга по одному из показателей: другие, чаще всего синонимичные компоненты, иная структура, сочетаемость, большее или меньшее количество компонентов, иная степень употребляемости или другие отличия, вытекающие из системы и грамматического строя языка перевода. Как правило, частичные эквиваленты имеют одинаковый или очень близкий образ, например: *сливки общества* – *společenská smetánka*, *власти предержащие* – *власть имущие*, *быть под каблуком* – *být pod pantoflem u koho*, *стать у кормила правления* – *chopit se kormidla*, *брать под свое крылышко* – *brát někoho pod svá ochranná křídla*, *тащить на аркане кого-либо* - *táhnout heverem koho*, *ставить на колени* – *srazit koho na kolena*, *держат в лапах (когтях) кого* - *mít v drápech koho*, *наложить лапу на кого, на что* - *uchvátit do spáru* и т.д.

Относительные эквиваленты – это фразеологизмы с частичной заменой образности при тождестве семантики. Хотя образы этих ФЕ и отличаются, они сопоставимы, такие как, например: *правлящие верхи*, *правлящая верхушка* - *vládnoucí vrstva*, *vládnoucí kruhy*, *špičku společnosti*, *первый барабан* – *první housle*, *крупный кит*, *важная птица*, *большая шишка* – *o velké zvíře*, *mít dlouhé prsty* – *иметь длинные руки* и т.д.

Фразеологические аналоги – это обороты, имеющие разную образность, близкую или достаточно различную структуру, но общее значение и стилистическую тональность. Например следующие ФЕ: *драконовские меры* – *drastická (drakonická) opatření*, русские *взять за жабры*, *прищемить хвост* – *zatlačit někoho do pozadí*, *быть в ежовых рукавицах кого, чьих, у кого* - *být držen zkrátka*, *завязать узлом* - *prohnat komu šosu*, *взять за рога кого* - *udělat komu vojnu* и т.д.

Безэквивалентные фразеологизмы являются «собственно национальными» идиомами. Как правило, они не только своей образностью, но и обозначаемыми ими реалиями столь крепко привязаны к национальному языку, что отрыв от национальной почвы приводит к их полному разрушению, например: *шапка Мономаха*, *мелкая сошка*.

Интересно сравнить исследуемые нами фразеологизмы не только с точки зрения языковой эквивалентности, но также и с точки зрения совпадения их образности и коннотаций.

Необходимо отметить, что как в русском, так и в чешском языках отражается представление о том, что тот, кто находится у власти, господствует, находится далеко, то есть вне зоны досягаемости находящегося в подчинении. Причем «далеко» может означать как «высоко», т.е. быть направленным вертикально (*пращающая верхушка, špičku společnosti*), так и «далеко», т.е. быть направленным горизонтально (*рукой не достать*) (отметим, однако, что в последнем примере может подразумеваться также ситуация вертикальной направленности).

Кроме того, и в чешском, и в русском языках важное положение человека в обществе описывается при помощи метафор, мотивированных размером и весом. То есть человек, обладающий властью, ассоциируется с чем-то тяжелым, большим (*иметь вес, большой человек, velké zvíře*).

На наш взгляд, необходимо также обратить внимание на то, что само понятие *власть (власти)* часто ассоциируется с большим количеством людей, отражая таким образом представление, что управляет или распоряжается не один человек, а несколько, что характерно как для чешского так и для русского языка (*эшелоны власти, horních deset tisíc*).

Помимо того, проанализированные нами фразеологизмы возникли на основе метафор, мотивированных поведением животных. Такие ФЕ, как правило, описывают человека, находящегося в подчинении, и имеют отрицательную коннотацию по отношению к нему (*лизать пятку кому, zobat komu z ruky*). В свою очередь, ФЕ, основанные на метафоре покорения животного, описывают человека, обладающего властью (*обломать рога кому, mít otěže v ruce*). Здесь интересно отметить фразеологизмы, содержащие образ птицы или ее крыльев (*подрезать крылья, svěsit křídla*), где образная основа вызывает положительную коннотацию по отношению к подчиненному, над человеком, находящимся в подчинении, не иронизируют, скорее здесь проявляется сочувствие к нему.

Кроме того, некоторые фразеологизмы со значением «подчинение» взяты из армейского сленга, где идея послушания прослеживается наиболее четко (*руки по швам, držet hubu a krok*). Также довольно много ФЕ данной группы со значением «быть главным», «руководить» основано на метафорах, мотивированных названием определенного вида деятельности людей, а именно театром и музыкой: *первый барабан, první housle* и т.д.

Что касается коннотации самих фразеологизмов, то ФЕ со значениями «иметь власть, быть главным, подчинять» и т.д. являются, как правило, нейтральными либо имеют иронический оттенок (*вершить судьбу, брать под свое крылышко, cítit se na koní, být někde kápo* и т.д.).

Кроме того, фразеологизмы, характеризующие стиль управления, подчинение, правление и т.д. ассоциируются, в первую очередь, с насилием, применением силы, угрозой и принуждением, что также подтверждается большим количеством ФЕ, относящихся к данной группе, как в русском, так и в чешском языке: *взять за рога, выкручивать руки, приставить нож к горлу, udělat komu vojnu, držet koho zkrátka, stát s karabáčem nad kým*. В свою очередь, фразеологизмы со значением «находиться в подчиненном положении, слушаться и т.д.» в большинстве случаев имеют отрицательную коннотацию именно по отношению к тому, кто подчиняется, а также

имеют не просто иронический, а пренебрежительный оттенок: *ходить на цыпочках перед кем, ломать шапку перед кем, jít jako vůl na porážku, plazit se (lézt) před kým po břiše* и т.д. Кроме того, на наш взгляд, это подтверждается, большим количеством ФЕ со значением «унижаться» по сравнению с количеством ФЕ со значением «находиться в подчиненном положении».

Таким образом, можно утверждать, что в сознании и русских, и чехов, человек, наделенный властью, вызывает уважение и страх, что, однако, не мешает проявляться иронии по отношению к вышестоящему. В то время, как человек, находящийся в подчиненном положении, вызывает пренебрежение и злую иронию, кроме тех случаев, когда подразумевается подчинение не по собственной воле.

Использованная литература:

- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: «Международные отношения», 1986.
Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология для чехов. – Olomouc, 2008.
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.
Heesch M. Zur Übersetzung von Phraseologismen // Fremdsprachen, 1997. N 3 (17). – 176-184.
Kammer G. Probleme bei der Übersetzung von phraseologischen Einheiten aus dem Russischen ins Deutsche (anhand von Werken V.F. Panovas). – München (Slawistische Beiträge, 183), 1985.
Kosta P. Probleme der Švejk-Übersetzungen in den west-und südslawischen Sprachen. Linguistische Studien zur Translation literarischer Texte. (= Specimina philologiae slavicae. Supplementband 13) – München: Verlag Otto Sagner, 1986.

Языковой образ курицы и его репрезентация в польской и русской фразеологии

М. Вронски

Университет им. Палацкого в Оломоуце

В лингвистике за последние годы активно изучается проблема языковой картины мира, языка и культуры. Важную роль в формировании картины мира играют наименования животных. На протяжении столетий домашние животные и птицы являлись неотъемлемой частью жизни человека, и это не могло не проявиться во фразеологизмах

Предметом исследования в нашей работе послужили фразеологизмы, имеющие в своем составе компонент *kura*/курица и его гиперонимы, а именно: *kogut*/петух, *kur*, *kokosza*, *kwoka*.

Наша работа является попыткой ответа на вопросы: На какие из многих признаков, характеризующих курицу, польское и русское языковое общество обратило внимание и какие из этих признаков вошли в состав фразеологизмов? Как они функционируют в языке? Какой языковой стереотип имеет курица? Существуют ли поговорки или метафоры с компонентом курица? И наконец, какие коннотации связаны с этим словом. Иначе говоря, дело касается ответа на вопрос, насколько это слово было важным для польского и русского общества и какую роль сыграло в языковом творчестве. Какое знание о курице было зафиксировано на протяжении столетий в языке и культуре поляков и россиян.

Материалом для анализа послужили выражения с орнитологическим компонентом курица (фразеологические единицы) собранные методом сплошной выборки из польских и русских фразеологических и толковых словарей, а также научных статей и других сборников пословиц и поговорок.

Для удобства описания мы разделили все фразеологизмы на пять мотивационно-тематических групп: ФЕ, мотивированные культурно; ФЕ, мотивированные использованием курицы; ФЕ, мотивированные поведением курицы; ФЕ, мотивированные внешним обликом курицы; ФЕ, мотивированные чертами характера курицы.

1. ФЕ, мотивированные культурно

1.1. *Kura* и курица в Библии

В польских переводах Библии *ks. Wujka* встречаемся с разовым наименованием курицы в форме *kokosza*. В новых переводах Библии это название не заключилось. Переводчики слово *kokosza* поменяли на общее обозначение вида – птица. Это, наверное, связано с негативной коннотацией курицы в сознании современного человека и, вероятно, поэтому библейские фразеологизмы с наименованием курица не вошли в язык. В русских переводах Библии встречаемся только с употреблением общего обозначения вида – птица (Koziara S., 2002 : 197). По-другому развивался гипероним пол. *kur/kogut* и русск. петух.

Петух своим пением извещал окончание ночи и начало дня, поэтому петуха считали символом уважения и победы добра над злом. Один из самых известных фразеологизмов с компонентом kogut/петух происходит из Евангелия, где Иисус предсказывает Петру, что тот отречется от него: «Zaprawdk powiadam ci: jeszcze tej nocy, zanim kogut zarpieje, trzy razy sik mnie wyprzesz» (Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня) (Матфей, 26, 34). Ср. Марк, 14, 30; 68; 72; Лука, 22, 60-61; Иоанн, 18, 27. Фраза kur zarpia (петухи уже пропели) находится, прежде всего, в старопольских переводах Библии. Сейчас в новых переводах представителем kura является обычный kogut. В настоящее время фразеологическая единица, в которой выступает наименование кур, потеряла связь с библейским текстом и получила новое переносное значение 'czas minęł, kłamka zapadła'. Сегодня фразеологизм kur zarpia используется в качестве эвфемизма для некоторых неприличных или неуместных слов.

В польский и русский языки перешёл ещё один фразеологизм из Библии, а именно: pierwszy (drugi, trzeci) kur pieje (до первых петухов; вторые петухи поют; до третьих петухов), который в настоящее время исполняет роль народного определения времени (Koziara S., 2002 : 197), до первых петухов – до рассвета, вторые петухи поют – о поздней ночи (около двух часов ночи); до поздних третьих петухов – до позднего утра.

1.2. Курица в литературе.

Нам удалось найти только одно русское выражение, которое заимствовано из комедии Плавта (ок. 250-180 до н. э.), а именно: как куры набродили – о плохом, неразборчивом почерке.

1.3. Курица в магии и народных верованиях

С курицей связано очень много разных верований и народных суеверий. Однако фразеологизмов, которые закрепились в повседневном использовании, очень мало. Нам удалось найти только один польский фразеологизм в различных вариантах: wart czarnej kury/kokoszy; trzeba komu czarnej kury - согласно древним верованиям и суевериям сумасшедшему к голове прикладывали чёрную курицу.

2. ФЕ, мотивированные использованием курицы

Курицу разводят прежде всего ради яиц, и это повлияло на создание следующих фразеологизмов:

- chodzi jak kura z jajkiem; zna się jak kura na jajkach (носится как курица с яйцом) – уделять излишнее внимание тому, кто или что такого внимания не заслуживает.

3. ФЕ, мотивированные поведением курицы

- gdacze jak kura z jajkiem
- trafiło się jak wlepek kurze ziarno
- grzebie jak kura; pisze/bazgrze jak kura pazurem (писать как курица лапой/почерк как у курицы) – неразборчиво; так, что нельзя понять. Первый фразеологизм относится к наблюдению за поведением кур, а второе выражение

использует метафорическое сравнение – плохой почерк похож на следы, которые оставляет курица, когда ищет пищу.

- kurza ślepotą/ślepy jak kura (слепая курица) (разг.) – о близоруком, плохо видящем человеке. Это название одной из болезни глаз. Куры после захода солнца слепнут и становятся бесполезными. Поэтому подслеповатого человека называют слепой курицей, а его болезнь куриной слепотой.

Фразеология даёт также знание, что активный образ жизни курицы зависит от восхода и захода солнца: wstaje z kurami (вставать с петухами) – вставать очень рано; chodzi spraz z kurami (ложиться с петухами) – слишком поздно, к утру или, наоборот, рано вечером.

4. ФЕ, мотивированные внешним обликом курицы

В польской и русской фразеологии зафиксирован образ мокрой курицы: mokry jak kura/wygląda jak zmokła kura (мокрая курица) (разг.) – о человеке, имеющем жалкий, беспомощный, неряшливый вид, или о безвольном, бесхарактерном человеке. Курица во время дождя ищет червяков для питания, но вид такой курицы, попавшей под дождь, жалок и непригляден.

В русских народных говорах выражение мокрая курица является также обозначением рода карточной игры – играть в мокрую курицу. [Русская фразеология с. 367]

Из польской фразеологии можно узнать, что у курицы есть когти: pisze jak kura razuremё россияне заметили другой признак, а именно лапу (писать как курица лапой).

Поляки заметили, что курица, по сравнению с человеком, является очень малым существом, и в связи с этим в польских фразеологизмах можем найти такие выражения как kurza dupa или mały, żeby się w kurzej dupie parzył – очень малый.

5. ФЕ, мотивированные чертами характера курицы

В русских и польских выражениях курица часто предстает предметом насмешек (так как она не летает, не вьет гнезда, боится воды и плохо видит в темноте), в культуре этих народов курица наделяется такими качествами как:

-глупость, наивность: в польской фразеологии имеется несколько фразеологических единиц, из которых можно узнать что курица ведёт себя неразумно: zna się jak kura na pierzu/jajkach/grzkdzie/mydle.

Следующий фразеологизм, в котором зафиксировался образ глупости курицы, это kurzy myślenie. Этот фразеологизм мотивирован малой головой курицы.

-несамостоятельность:

kura domowa (букв.: домашняя курица) – о человеке, который редко выходит из дома, сидит взаперти. В Польше это выражение обозначает женщину, которая не работает по своей профессии, занимается домом и воспитанием детей.

- короткая память:

ramię jak u kury; kurza pamięć (куриная память) – о забывчивом человеке, человеке с плохой, короткой памятью.

- несерьёзность:

Курица всегда была предметом насмешек. *Kury by sić z tego ńmiaiу* (курам на смех/куры и то смеяться будут) (разг.) – совершенно нелепо, крайне бессмысленно. Это выражение шутливое, даже курам с их куриными мозгами, не умеющим смеяться, будет смешно. Этот фразеологизм известен в русском языке с XVIII в. [Русская фразеология с. 367]

Фразеологические единицы с компонентом-наименованием птицы составляют большую группу. Как в польском, так и в русском языке курица часто является предметом шутливых насмешек, в польской и русской культуре курица наделяется такими качествами как: глупость, наивность, несамостоятельность, короткая память, несерьёзность.

В языковой картине мира образ курицы наделен преимущественно неодобрительными характеристиками. Так, курица может быть: мокрой – 1) о жалком, беспомощном на вид человеке; 2) о безвольном, безынициативном человеке; варёной – о вялом, медлительном, болезненного и усталого вида человеке; слепой – о подслеповатом человеке. К тому же курица способна смеяться курам на смех – о чем-то несуразном, крайне абсурдном, смехотворном до нелепости и не приспособлена к письму: писать как курица лапой – о чем-то неразборчивом почерке.

Использованная литература:

- Мокиенко, В. Языковая картина мира в зеркале фразеологии. In: Chlebda, W. Frazeologia a jkzykowe obrazy ńwiata przeiomu wiekyw. Opole, 2007. С. 49-66.
- Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Ред. проф. Мокиенко, В. Москва, 2005.
- Koziara, S. Losy frazeologizmyw biblijnych z nazwami ptakyw w jkzyku polskim. In: Ęeberek, T., Boruski, T. Z problemyw przekiadu i stosunkuw miќdzyjkzykowych II. Krakyw, 2002. с. 191-203.
- Peisert, M. Jkzykowy i kulturowy obraz wkia w polszczyћnie. In: Miodek, J. Rozprawy Komisji Jkzykowej XVII. Т. XVII, 1991. С. 259-270.
- Rak, M. Jkzykowo-kulturowy obraz zwierzЃt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gyr Ѓwiktokrzyskich i Podtatrza (na tle poroыnawczym). Krakyw, 2007.
- Treder, J. Nazwy ptakyw we frazeologii i inne studia z frazeologii i paremiologii polskiej. Gdacsk, 2005. с. 189-238.

Nová ruská frazeologie a problémy jejího osvojení studenty VŠ

Petra Fojtů

Univerzita Palackého, Olomouc

V rámci frazeologie jako jazykovědné disciplíny dochází k výraznému rozšíření oblastí jejího bádání (Juska-Bacher 2009, 39, autorka tady mluví o oblasti německé a takovýto rozvoj konkretizuje obdobím posledních 35 let). Jednou z nových, ještě pouze rozvíjejících se oblastí, je oblast didaktiky frazeologie, tedy frazeodidaktiky (Jankovičová 2006, 61). Pojem *frazeodidaktika* je zatím ojedinělý, ve většině prací, které se věnují otázkám výuky frazeologických jednotek (FJ) autoři používají nadřazený pojem *lingvodidaktika* (např. Juska-Bacher 2009, 39, 41 a další). M. Jankovičová definuje tuto novou oblast jako didaktiku vyučování FJ (Jankovičová 2006, 61) a dělí tuto disciplínu podle dvou kritérií vždycky na dvě oblasti. První je dělení na frazeodidaktiku mateřského a frazeodidaktiku cizího jazyka, druhé je dělení na frazeodidaktiku pro žáky základních a středních škol a pro žáky vysokých škol (tamtéž). V našem příspěvku se budeme věnovat frazeodidaktice cizího jazyka a frazeodidaktice žáků vysokých škol. Pokud jde o jednu ze základních didaktických otázek *co učít*, soustředíme se na konkrétní skupinu FJ, a to na frazeologické neologismy (FN).

Při výuce FN se setkáváme s celou řadou problémů, které se při výuce jiných skupin FJ nevyskytují nebo vyskytují v menší míře. Mezi základní problémy při výuce FN patří: 1) jejich častá bezekvivalentnost. FJ, které nelze přeložit pomocí frazeologického ekvivalentu do cílového jazyka je poměrně málo: v Rusko-českém frazeologickém slovníku L. Stěpanové (Stěpanova 2007) tvoří tyto jednotky pouze přibližně 10% všech FJ, uvedených v tomto zdroji. To odpovídá výzkumu K. Křížové na česko-holandském materiálu: zde, přesto, že jde o jazyky nepříbuzné, byl poměr těchto jednotek jen o něco vyšší: 17% (Křížová 2008, 168). Pokud ale jde o frazeologické neologizmy, byl tento poměr vyšší výrazně: v uvedeném Rusko-českém slovníku nemá frazeologický ekvivalent přibližně 40% frazeologických neologizmů. Protože pro výuku FJ je porovnávací hledisko nutné (Jankovičová 2006, 62), způsobuje tato situace problém při prezentaci materiálu. V některých případech není možné pro FN výchozího jazyka najít v cílovém jazyce (v našem případě pro ruské FN v jazyce českém) ani přibližný nebo jednoslovný ekvivalent a pro jeho převod je nutný popis. Rusko-český slovník L. Stěpanové tak pro jednotku *разливать по булькам*, kterou zase fixuje jako frazeologický neologizmus slovník nové ruské frazeologie V. Mokienka (Мокиенко 2003, 7) uvádí jako ekvivalent následující popis: „nalévat stejné porce alkoholu do skleniček se zavřenými očima a určovat množství podle sluchu“ (Stěpanova 2007, 51). Takováto situace působí na studenty velmi demotivujícím způsobem: význam FJ sice obvykle zaujme, je však obtížně zapamatovatelný a má negativní vliv na práci s daným FN v dalším kontextu, například při překladu. Mnohé FN obsahují také reálie, které kromě toho, že způsobují bezekvivalentnost FN, jsou pro studenta neznámé (např. *голодный бунт; табачный бунт, от гимна до гимна; пятая графа; марш пустых кастрюль*). Protože expresivita, která je kategoriálním příznakem FJ, je postavena na napětí mezi přímým a přeneseným významem (Мокиенко 1989, 198), nepochopení vnitřní formy má negativní vliv na osvojení celé FJ.

Navíc některé ruské FN nejen obsahují reálii, ale také slouží k označení reálie. FN *четвертая власть* slouží pro označení ruských masmédií a masmédií SNS (Stěpanova 2007, 83).

Důvody pro neekvivalentnost existují v oblasti FN také další, mnohé z nich jsou typické pro celou oblast FJ. Setkáváme se například s kalambury (*мазарм крепчал; не копенгаген, зря плата*). Dále způsobuje nepřeložitelnost sémantický rozvoj FJ, u které často vzniká nový význam (*братья наши меньшие*).

Přeložitelné naopak bývají FN, které vstupují do již čteně obsazených sémantických polí. Mezi FN, které byly převzaty ze žargonu nebo slangu, což je poměrně velká skupina FN, dominují určitá sémantická pole: opilství, sexuální sféra, fyzické násilí a další (Бирих, Матешич 2008, 238-243, Вальтер 2008, 217). Tyto jednotky se obvykle zařazují do sfér, které už jsou v jazyce zastoupeny FJ a jejich převod do cílového jazyka prostřednictvím frazeologického ekvivalentu pro studenta nepředstavuje problém. Např. FN *городить сырбор*, který se používá ve významu „начинать какое-либо сомнительное дело“ (Stěpanova 2007, 42) – lze do češtiny přeložit pomocí hned několika FJ, citovaný slovník uvádí hned 4 ekvivalenty: *jednat bez rozumu, hnát se do čeho jako slepý, vletět do čeho po hlavě* (tamtéž). Některé FN vznikají podle existujících strukturně-sémantických modelů: *нопорнуть вывеску* – zmalovat ciferník, rozbít fasádu (tamtéž, 113).

U těchto FN jsme očekávali orientaci studentů na jejich vnitřní formu a pokusy uvést v překladových cvičeních ekvivalent, založený na stejné obraznosti, ve většině případů se nám ale toto očekávání nepotvrdilo (k FN *до поросячего визга* studenti primárně uvedli jako český ekvivalent FJ *zpít se do němoty*, ne FJ, motivované animalizmem *prase*).

2) V situacích, kdy FN v ruském jazyce měl ekvivalent v jazyce českém se vyskytovali případy, kdy tento ekvivalent nebyl v českém jazyce dostatečně často používán a nebyl studentům znám. Tak např. FN *болезнь роста* má podle Rusko-českého slovníku v češtině úplný ekvivalent *nemoc růstu* (Stěpanova 2007, 41). Tento publicistický FN je však zřídka, nezachycuje ho ani SČFI v jeho novějším vydání, proto způsoboval ruský frazeologismus studentům potíže, nehledě na jeho úplnou ekvivalenci.

Naopak skupinou velmi motivační a jednoduchou pro osvojení představují kalky z anglického jazyka (*белые воротнички, промывание мозгов*), kde existují ve velkém množství případů úplné ekvivalenty. Studenti jsou také často schopni konfrontovat FN také s jednotkou v anglickém jazyce, což je motivuje k jeho osvojení.

3) Problém polysémie u FJ. Zvláštní problém pro studenty představují FN s více významy, pokud mají rozhodnout, který význam FN v určitém kontextu vyjadřuje. Při použití autentických publicistických textů, kde se polysémií FN často vyskytoval v titulku, je pro studenta často problematické určit, který význam FN v daném kontextu realizuje. K tomuto problému dochází i po důkladném obeznámení se s textem článku, a to ze dvou důvodů. Prvním důvodem jsou nedostatky studentů v ruském jazyce, druhým důvodem je častá blízkost významů. Problematickým byl pro studenty např. FN *брать на вооружение*, který se používá ve dvou významech, ze kterých ani jeden nemá v českém jazyce ekvivalent. Česko-ruský slovník tedy uvádí opisný překlad, pro první význam: „začít používat ve své praxi nějaké metody ap.“ (Stěpanova 2007, 95), pro druhý význam „slepě napodobovat *koho*“ (tamtéž).

4) Problém s identifikací FN. Jestliže u „běžných“ FJ jsme se u studentů s problémem identifikovat FJ, případně odlišit ji od homonymního slovního spojení, setkali pouze ve velmi ojedinělých případech, v případě FN byla tato situace velmi častá. Problém s identifikací FN je typický nejen pro studenty, ale také pro překladatele. Důvodů pro tuto situaci je několik, u žargonní frazeologie je to například výskyt komponentů, které jsou typické pro ruský žargon a studentovi z tohoto důvodu nejsou známy, nebo zatemňují výchozí obraz FJ: *до лампочки; всадить косточку промеж глаз...* Dalším důvodem může být také již zmiňovaná nepřeložitelnost nebo také existence homonymních termínů (student má problém určit, zda se jedná o FN nebo o termín, tato homonymie způsobuje problém i pro výběr kontextu pro prezentaci FN). Naopak, určité signály, typické pro FN studentovi mohou při identifikaci FN pomoci. Při práci s autentickými texty jsou to často uvozovky, které se u FN vyskytují. Nápomocným prvkem může být, zejména při výuce studentů ekonomického zaměření, také zmiňovaná častá homonymie mezi termínem v oblasti ekonomické a FN (o tomto vztahu blíže Jankovičová 2002, 59-60). Dalším motivačním faktorem během prezentace FN studentům je jejich obraznost, a to zejména u těch FN, které vznikají transformací FJ již existujících. Tímto způsobem vzniká z FJ *дышать на ладан* FN *дышать на автоген* s významem "быть очень старой, потрепанной, ненадежной в эксплуатации (о машине)" (Мокиенко 2003,1). Tyto jednotky jsou pro studenty, kteří již byli obeznámeni s FJ ruského jazyka a znají výchozí jednotku, velmi poutavé, navíc si studenti dokáží vydedukovat jejich význam. Zároveň si student zopakuje a lépe osvojí výchozí FJ, protože prezentace v souvislostech mezi FJ je pro studenty obvykle jednodušší.

Závěrem tedy můžeme vyčlenit několik kritérií, které by měl FN splňovat, aby byl pro studenty lehce osvojitelný a aby byl student k jeho osvojení dostatečně motivován: 1) FN si student nejlépe osvojí, pokud se v jeho komponentním složení nevyskytují slova, která jsou studentovi neznámá; 2) FN je pro studenta lehce osvojitelný, pokud se vyznačuje zřetelnou obrazností, která studenta „pobaví“, zaujme a tak motivuje k jeho osvojení. Nápomocným prvkem zde může být původ FN, protože diachronní výklady jsou v souvislosti s FJ pro studenty většinou nejpoutavější; 3) protože FN, stejně jako jiné jazykové jednotky, je nejvhodnější prezentovat v kontextech (o potřebě kontextu k realizaci významu frazeologizmu např. Жуков 2005, Čermák 1982 a další), je pro studenta problém pracovat s jednotkami bezekvivalentními (student má potřebu si FN přeložit, konfrontovat s FJ mateřského jazyka). Na druhou stranu však tyto jednotky mohou zaujmout tím, co označují; 4) obzvlášť výhodné pro prezentaci jsou FN, vytvořené podle již existujících strukturně-sémantických modelů. Studenta tady může k osvojení motivovat nový obraz, zároveň má k dispozici ekvivalent v cílovém jazyce pro konfrontaci. Model mu také usnadňuje zapamatování komponentního složení FN.

Použitá literatura:

- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky .Výrazy neslovesné. Praha, 2009
Stěpanova L.: Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc, 2007
Мокиенко В.М.: Новая русская фразеология. Ополе, 2003
Жуков А., Жуков К.: О семантической неопределённости слов и фразеологизмов. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 70 – 75
Čermák F.: Idiomatika a frazeologie češtiny. Praha, 1982

- Jankovičová M.: Frazeodidaktika ruštiny a příprava budoucích rusistů. In: Rossica Olomucensia XLV, Olomouc 2006, str. 61 – 66
- Juska-Bacher B.: Empirisch-kontrastive Phraseologie. Essen, 2009
- Jankovičová M.: Образные выражения в русской бизнес-коммуникации. In: Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica – Britanica – Germanica – Rossica Ostraviensia. Red. K. Lepilova. Ostrava: Universitas Ostraviensis. Facultas Philosophica 2002, s. 55–60.
- Křížová K.: „Létající“ či „bludný“ Holanďan. Konfrontační analýza českých a nizozemských frazémů pro glottodidaktické účely. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting edge“. Olomouc, 2008, str. 165 – 170
- Мокиенко В. М.: Славянская фразеология. Москва, 1989
- Мокиенко В., Степанова Л.: Русская фразеология для чехов. Olomouc 2008
- Вальтер Х.: Жаргонная фразеология как объект неологии. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 217 – 222
- Бирих А., Матешич В.: Фразеология в русском и хорватском субстандарте. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 235 – 247

Лингвокультурологический потенциал фольклорного микротекста (на материале русских и чешских бытовых примет)

А. Бадестова
Санкт-Петербург

Изучение русского фольклора и фольклора родственных славянских народов в настоящее время составляет часть обширной области знания и переходит в постижение народного менталитета как части древней культуры.

Фольклор как непосредственное традиционное творчество народной массы запечатлел в себе все свойства этнического менталитета, начиная с осознания этносом своего происхождения, исторических судеб, отношений с соседями (родственными и неродственными) и заканчивая объяснением особенностей бытового, психического, семейного, народно-племенного уклада жизни, привычек, характера народа и свойств языка. Для такого изучения исследование фольклора имеет первостепенное значение. Вместе с археологическими находками фольклор, взятый в традиционных основах, возникших в далеком прошлом, предоставляет ценные данные для постижения этнических свойств народа. Методологию этнических исследований многосторонне и конкретно систематизировал и изложил академик Ю.В.Бромлей в труде «Этнос и этнография»[1].

Фольклорные тексты служат источником культуроведческой информации, стимулом для проведения лингвокультурологической работы. Знакомство с лингвострановедческими характеристиками произведений фольклора помогает понять особенности менталитета, морали и системы ценностей, проникнуть в атмосферу языка и культуры народа.

Особое место среди разнообразных произведений устного народного творчества занимают малые жанры русского фольклора. При всем различии их сближают краткость и устойчивость формы, удивительная емкость содержания, метафорический принцип построения образов, ритмический строй, древность происхождения [2]. К малым жанрам фольклора относятся произведения, различающиеся по жанровой принадлежности, но имеющие общий внешний признак – небольшой объем, так называемый микротекст.

Существовало немало видов афористического фольклора, которые по-прежнему входили в общий корпус «малых» фольклорных жанров, и не без основания. «Кроме пословиц, пословичны изречения, поговорки, присловья, скоро(чисто)говорки, прибаутки, загадки, поверья, приметы, суеверья и много речений...» [3].

Как в русской, так и в чешской культурах особое распространение и легкую воспроизводимость в типичных бытовых ситуациях имеют бытовые приметы. Русские и чешские бытовые приметы очень похожи. Например, в обоих языках очень популярна примета о черной кошке. Более того, данная примета обладает одинаковой прогностической функцией в русском и чешском языках: «Если черная кошка перебежала дорогу – жди несчастья». Однако есть и приметы, которые имеют разную

интерпретацию, например, примета о пауке. В русской культуре: *«Если случайно увидишь паука – жди письма»*, объясняется тем, что «...паук на паутинке (или даже сама паутинка) предвещает новость, письмо, сообщение, ибо каждый кусочек новой, свежей паутины появляется прямо на наших глазах»² В чешской культуре: *«Если случайно увидишь паука - к деньгам»*, поскольку паук в чешской культуре паук – символ трудолюбия, а следовательно и богатства.

Что касается ритуальной составляющей невербальной коммуникации, то в русской культуре, что не сглазить какое-либо предстоящее событие, имеющее позитивную окраску, принято плевать через левое плечо три раза и стучать по дереву. В чешской культуре число три и без того, имеющее сакральное значение, утраивается, т.е. в Чехии принято плевать 9 раз, но подоплека остается прежней «чтобы не сглазить, когда кого-то хвалишь».

Кроме того, существуют приметы, обладающие исключительным этнокультурным фоном, т.е. характерные только для конкретной культуры. В чешской культуре к таким приметам относятся приметы о трубочисте *«Если случайно встретишь трубочиста, нужно поддержать его за пуговицу и загадать желание»* и о карпе *«Положить чешуйку карпа в кошелек – к деньгам»*. В русской культуре это такие приметы, как *«Выпал кирпич из печи – жди беды»*, *«Веник должен стоять в углу ручки вниз – это спасет от дурного глаза»* и т.п.

Знакомство с лингвокультурологическим потенциалом примет способствует формированию фольклорной картины мира. Наиболее целостно и наглядно содержание картины мира отражается в той художественной культуре, которую человек или общество создает или выбирает для собственного потребления, при этом фольклор представляет собой отраженную в художественной коммуникации картину мира определенного народа. Под фольклорной картиной мира понимается отраженная в языке фольклора система народных представлений о себе и окружающем мире, закрепленная и устойчивая по формам усвоения и исполнения [4], [5].

Фольклорная картина мира как разновидность общей картины мира, «трансформированный мир действительности», создавалась в результате семантической перекодировки нефольклорного материала (мифологического и этнографического) через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики

Кроме того, лингвокультурологический потенциал примет, проявляющийся в коммуникативном поведении и воспринимаемый адекватно, способствует формированию кросскультурной грамотности, развития навыков кросскультурного общения и восприятия действительности, что особенно актуально в аспекте межкультурной коммуникации.

Осуществление межкультурной коммуникации (в устной или письменной форме) не всегда протекает с соблюдением норм иноязычного языкового поведения и, как следствие, влечет за собой допущение кросскультурных ошибок. Коллизии, возникшие на основе таких ошибок, являются достаточно распространенным явлением среди тех, кто оказывается за рубежом впервые, и тех, кто не имел коммуникационного опыта с представителями других культур. Результатом систематического допущения таких ошибок становится возникновение кросскультурного шока, - состояния

растерянности и беспомощности, вызванное потерей обычных ценностных ориентиров и неспособностью дать ответы на вопросы: где, когда и как поступать правильно? Таким образом, чтобы взаимодействия между представителями различных культур были эффективными, они должны быть организованы на основе знания принципов и механизмов межкультурной коммуникации, в том числе и в ситуациях бытового общения.

В современной культуре с проблемами приспособления, адаптации к новым культурным условиям в той или иной степени сталкиваются иностранные студенты, прибывшие за рубеж в образовательных целях, трудовые мигранты, бизнесмены и прочие индивидуумы, вступающие в относительно длительный контакт с чужой культурой т.е., происходит процесс аккультурации.

Аккультурация – результат взаимного влияния взаимодействующих культур, при котором все или часть представителей одной культуры принимают ценности, нормы, обычаи и традиции культуры [6].

В современном мире процессу аккультурации в той или иной степени подвергаются все народы, независимо от их расовой, этнической или языковой принадлежности, уровня социально-экономического развития. Таким образом, знакомство с приметами как одним из древнейших видов паремий способствует облещчению процесса аккультурации, приспособлению инокультурных реципиентов к зафиксированной в приметах фольклорной картине мира, представляет ритуальную составляющую бытового коммуникативного поведения носителей языка, имеющую древнее языческое происхождение, расширяет знания о явлениях бытовой культуры в целом и помогает успешнее контактировать и коммуницировать с носителями языка.

Использованная литература:

- [1] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М.: Наука, 1973
- [2] Мартынова А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы, поговорки, загадки. - М.: Современник, 1986.
- [3] Даль В.И. «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера, 1994.
- [4] Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. - СПб.: Наука, 1994.
- [5] Черванева В. А. Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира (Количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средс : Дис. канд. филол. наук: 10.02.01: Воронеж, 2003.
- [6] Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 2007.

Культурно-семантическое пространство этимонимов русского и чешского языков

Александра Васильевна Назарчук
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Основная роль в процессе освоения мира принадлежит лексике. С другой стороны, и историческая память народа, главная составляющая национально-языкового сознания, проявляется в слове, его культурной семантике. Как известно, слово - носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации, оно аккумулирует социально-историческую, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную информацию конкретно национального характера. Такая информация составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент слова. Это объективно существующее понятие. Таким образом, рассмотрение истории слова дает возможность рассмотреть язык как продукт и сокровищницу культуры, то есть осознать необходимость изучения языка как части культуры народа в сопоставлении с другими составляющими культуры.

Язык является одним из основных признаков нации: чем богаче история народа, тем полнее его язык. Вместе с развитием человека совершенствуется его язык. Изменяется общество – изменяется язык. «В языке выражается вся жизнь народа», - писал Ф.И. Буслаев.

В ходе исторической практики народов вырабатываются концептуальные картины мира, отображаемые в семантике национальных языков, или языковых картинах, представляющих собой не просто отражение, а некую интерпретацию действительности.

Основным средством создания языковой картины мира является лексика. Лексика – это подвижная, открытая система. Однако в лексике существует постоянная преемственность явлений, для раскрытия которой необходимо обращение к истории слов.

Проследить преемственность в лексике означает наблюдать жизнь слова во времени. При этом, обращаясь к прошлому, необходимо осознавать, что основной целью является выявление лексико-семантических отношений в современном языке, определение потенциальных возможностей слова в его современном функционировании.

Этимологические сведения об отдельных лексических единицах можно найти в словарях, но существуют особые единицы, которые потребовали изысканий не отдельных слов, а групп слов (гнезд этимонимов). Исследования такого рода немногочисленны, но материалы их можно найти в научной литературе (Л.А. Булаховский, Т.Г. Аркадьева, Э.А. Балалыкина, С.С. Ваулина и др.).

Этимонимы зачастую содержат глубокие историко-культурные сведения о русском языке и русской нации. Так, например, в синонимических рядах *родина – отечество, государство – страна, дело – работа* вторым компонентом являются этимонимы. Они содержат богатые лингвострановедческие сведения, которые могут быть обнаружены только в сопоставлении с этимологически родственными словами (*отец-отечество, сторона-страна-странный-простор, работа-ребенок-раб*).

Этимонимы составляют лексическую микросистему, построенную на основе словообразовательных связей лексических единиц. Главное отличие гнезд этимонимов от словообразовательных гнезд в том, что их члены, этимонимы, пережили процесс деэтимологизации, переосмыслились в своих значениях, утратили связи с родственными по образованию словами на современном этапе развития языка (Аркадьева). Новые семантические и структурные характеристики этих слов позволили им вступить в систему новых отношений лексической системы.

Использование этимонимов способствует созданию целостного представления о системных взаимосвязях лексических единиц в их динамическом развитии и отражает их национальное своеобразие, а значит, национальную культуру. Этот ракурс, дополняющий традиционные аспекты в характеристике известных, широко употребительных слов заставляет по-новому взглянуть на слово, показывая его прошлое, полнее представить его место в языковом окружении, глубже проникнуть в его художественно-выразительные возможности.

Приведем некоторые примеры. Обратимся к словам, которые обозначают чувства и иллюстрируют трансформацию семы физического ощущения в сему состояния человека.

Например, слово *горе* этимологически родственно “гореть”, горе буквально “жжение”, то есть чувство, которое “жжет, мучает” (Ср. гнездо этимонимов *горе-горький-жар-загар-гореть*). Глагол “гореть”, общеславянский по происхождению, восходит к индоевропейскому *hargas* - жар. В чешском языке: *hore, zarmutek, zal* (горе).

Прилагательное “мерзкий” является этимологически родственным словам мерзнуть и мороз. Общеславянское *мързь* первоначально имело значение только “холодный” (ср., мерзнуть). Значение “отвратительный” вторично, мерзкий - неприятный по впечатлению, ощущению. Слово “мороз” родственно общеславянскому *морзь* (*mraz*).

В чешском языке: *mrzky* (гадкий, подлый), *mrznout* (мерзнуть), *mraz* (мороз).

Этимонимы *постылый-стыд-студить* также отражают перенос в сознании человека физического ощущения в область внутреннего. Общеславянское существительное “стыд” образовано от глагола *студить* - “делать холодным” (студь - холод). Значение “срам, позор” вторичное и развилось по аналогии с *мерзкий - мерзнуть*.

В чешском языке: *ostuditi* (возбудить отвращение).

Ярким примером, иллюстрирующим множественность этимологии является слово “невеста”. Его происхождение объясняется по-разному:

1. Оно могло быть образовано с помощью не- от веста «знакомая» (ср. известный, производного от ведати (знать), то есть невеста – буквально

«неизвестная, незнакомая» родным жениха девушка. Возможно, табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой дом.

2. Слово невеста могло быть образовано путем сложения двух основ *neva* и *vesta* (*vedta*), где *neva* одного корня с *новый*, а *vesta* - от *vedti* - *вести*, то есть невеста могло означать буквально «новоприведенная», *новый человек*, которого привел в семью жених. В древнерусском языке существовало слово *водимая*, то есть «жена, супруга».

В чешском языке: *nevesta* (невеста, *новобрачная*), *vest* (*вести*), *novu* (*новый*) и *neznamu* (*неизвестный*). Можно сделать вывод о том, что в чешском языке логичным является второй путь этимологического анализа, где невеста - это *новый человек*, которого жених привел в свой дом.

Путь аналитического обсуждения помогает увидеть новые грани знакомых слов и, тем самым, вписать их в языковую картину мира, формируемую в процессе изучения русского языка. Элементы необычности, неожиданности, оригинальности в выделении слов для анализа, выявляющего их связи в прошлом и настоящем, безусловно, интересны учащимся и привлекают их более пристальное внимание к слову. Исследование языковых явлений на уровне семантического анализа элементов национального сознания позволяет установить существование этнического своеобразия, которое определяет специфику картины мира, расширить представление о национальном сознании как сложном образовании.

Использованная литература:

- Аркадьева Т.Г. Этимонимы в лексической системе современного русского языка. - Л.,1990.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1993.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4 - М.,1964-1971.
Шанский Н.И. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. - М.,1975.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып.1-32 ./ Под ред. О.Н. Трубачева. - М., 1974-2005.
<http://slovník.seznam.cz>
<http://etimolog.ruslang.ru>

Анализ переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на словацкий язык. Перевод культурных реалий 19 века, обозначающих еду

Наталья Докучиц

Университет имени Я. А. Коменского в Братиславе

В словацкой литературной среде вышло 4 перевода пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». Первый перевод вышел из-под пера С. Бодицкого в 1900 году, после него следовали переводы Я. Есенского (1942г.), И. Купца (1973г.) и последний четвёртый перевод Штрассера, вышедший в 2002 г. Первый и последний переводы разделяют более ста лет и тем не менее, в словацком литературоведении не уделялось достаточного внимания анализу какого бы то ни было из четырёх вышеупомянутых переводов. Об отсутствии подробных интерпретаций переводов свидетельствуют многочисленные публикации, посвящённые данной проблематике, сосредоточенные в библиографических работах Р. Бртаня, А. Матёвчика, а также Э. Пановой. В статьях и рецензиях о «Евгении Онегине», вышедших на территории Словакии, в основном даются различные интерпретации скорее самого оригинала, чем переводов.

Так в рецензии к переводу Я. Есенского Я. Комаровский посвящает несколько страниц месту «Евгения Онегина» в литературе 19 века, сравнивает роман с другими романтическими произведениями эпохи. (Komorovský 1958) Э. Панова в рецензии к переводу И. Купца близка к интерпретации русского критика Белинского, утверждая, что в Евгении Онегине Пушкин трезво изображает жизнь, дух и атмосферу сложного и разнородного общества своего времени. (Panovová 1973) В рецензии к последнему переводу произведения П. Заяц называет роман в стихах не энциклопедией русской жизни 19 века, а произведением, которое нужно читать с энциклопедией. (Zajac 2002)

Непосредственному сравнению всех словацких переводов уделяли внимание такие авторы как Г. Вальцера в публикации «Štyri preklady Onegina. Odlišnosti ruskej a slovenskej realizácie rytmu», А. Элиаш в работе «Na margo troch slovenských prekladov Puškinovho Eugena Onegina», О. Ковачичова и некоторые другие авторы. Подобных сравнительных интерпретаций существует немного. Некоторые авторы сравнивают переводы лишь с просодической точки зрения, другие – расшифровывают значение тех или иных явлений в произведении. Данная публикация уделяет внимание сравнению четырёх текстов перевода с точки зрения переноса культурных реалий оригинала на страницы принимающей среды и носит практический характер. Реалии, которые приводятся в пример в публикации, обозначают названия еды.

Несмотря на то, что и русским современным читателям иногда доставляет трудности расшифровать подлинное значение слов в Евгении Онегине, тем не менее, восприятие романа словацкими переводчиками важно, так как от него зависит, как будет воспринят роман целевой средой.

При анализе исторических культурных реалий (как в нашем случае, где мы работаем с реалиями 19 века) необходимо постоянно прибегать к словарям и справочникам за истолкованием того или иного явления. Источниками, с которыми мы постоянно работаем, являются 3 основные книги. Первая из них – книга И. Бродского, посвящённая «Евгению Онегину», в которой автор характеризует 20 годы 19 века и даёт описание существенным сторонам жизни этого периода.

Вторым автором, к комментариям которого мы прибегаем, является Ю. Лотман, он даёт комментарии к каждой главе произведения в соответствии со своей тематической классификацией. Ю. Лотман посвящает каждую главу своей книги определённым реалиям, среди которых найдём главы, посвящённые хозяйству и имущественному положению, образованию и службе, интересам и досугу, дворянскому жилищу, средствам передвижения, дуэли и некоторым другим реалиям. (Лотман 1980, 416)

Самую подробную информацию относительно комментариев к «Евгению Онегину» содержит «Онегинская энциклопедия» в двух томах, под редакцией Михайловой. На 800 страницах энциклопедии её авторы дают не только пояснения к русским реалиям, встречающимся в романе Пушкина, но и затрагивают вопросы композиции, хронологии романа в стихах и некоторых других аспектах. Так как в «Евгении Онегине» практически ни одной фразы нельзя понять буквально, обращение к комментариям является главным источником истинных толкований и интерпретаций.

Кроме упомянутых выше трёх изданий, как основных источников, к которым мы обращаемся за помощью истолкования реалий, мы также ссылаемся на работы таких пушкиноведов как А. Вольский, Г. Винокур, В. Томашевский, В. Набоков и других авторов.

На отдельных примерах мы сравниваем каждый из переводов с оригиналом, с целью проанализировать, насколько авторы словацких переводов смогли понять и перенести в свои произведения жизнь пушкинского времени. Примеры расположены в порядке от последнего к первому переводу. После каждого примера указывается источник, из которого он взят, где указывается страница и заглавная буква фамилии переводчика, из перевода которого взят отрывок.

В работе рассматриваются те примеры, в которых авторы не до конца поняли пушкинскую эпоху, это значит, упустили смысл той или иной реалии и придали ей иное, либо никакого значения. Мы также сравнили переводы между собой, с целью выявить технику, присущую каждому из переводчиков и выяснить, какими методами руководствовались авторы переводов. Материалом для исследования послужили переводы Евгения Онегина С. Бодицкого, Я. Есенского, И. Купца и Я. Штрассера.

1. Еда

Наряду с множеством непонятных современному читателю понятий в «Евгении Онегине», недостаточно объяснить их значение, важно понять, какую роль та или иная реальность играла в период написания романа, а также, какое значение ей придавал сам Пушкин, размещая на страницах своего произведения.

К теме еды отнесём блюда, напитки, а также другие реалии, связанные с обедом пушкинского времени. Трапезной теме уделяется в романе много внимания. Наряду с традиционными русскими блюдами или напитками, Пушкин вносит на страницы произведения модные деликатесы и изысканные блюда английской и французской кухни. Так на столах героев романа оказываются трюфели, ростбиф, стразбургский пирог, лимбургский сыр и прочие блюда.

- 1.1 *Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет <...>
И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым*
- 1.2 *Pred ním je roast-beef dokrvava, hl'uzovky (nemal od leta)
Štrasburská chýrna paštéta <...> limburský syr... [Š-23]*
- 1.3 *Pred ním roast-beef skrvavený, lanýže, rozkoš mladých liet <...>
Strasbourský piroh preslávený s limburským syrom ... [K-19]*
- 1.4 *...pred ním je roast-beef skrvavený, lanýže – radosť mladých liet,
<...> štrasburský piroh oslávený, limburský syr, čo ožil zas [J-17]*
- 1.5 *Pred ním roast-beef stojí červený A trufle – rozkoš mladých liet,
Štrassburgský piroh nepremenný Uprostred syru živého [B-7]*

Как видно из примеров, переводчики прибегли к экзотизации и оставили «чужие» названия блюд в переводах. Исключение составляет лишь перевод слова *трюфли*, обозначающего «съедобные грибы, растущие под землёй». (ОЭ-2 1999, 606) Здесь авторы переводов прибегли к натурализации и употребили слова домашнего происхождения с той лишь разницей, что Я. Штрассер употребил словацкое название, а И. Купец и Я. Есенский – чешские. Бодицкий под сноской даёт пояснение трюфелям, как грибам, с названием *jelenice*. Это чешское название, однако, не соответствует значению блюда, так как по определению чешской грибной энциклопедии *jelenice* являются обычным видом грибов со шляпкой, которые растут в хвойных и лиственных лесах. (Hunek 1899, 88)

Что касается Страсбургского пирога, лишь Штрассер дал ему значение «паштета», остальные авторы перенесли в перевод дословное звучание название этой еды. Лотман даёт определение стразбургскому пирогу, как паштету из гусиной печени. (Лотман 1980, 143) Тем не менее, Гаврилина, разбирая тему еды в *Евгении Онегине*, говорит и о том, что это может быть пирог, начинённый паштетом. (Гаврилина 2008) Краткий словарь словацкого языка даёт единственное значение слову *piroh* – вареное или жаренное мучное изделие с начинкой. (KSSJ 2003) Русский же *пирог* на словацкий язык переводится словом *koláč*.

Онегинская энциклопедия даёт 2 пояснения к словосочетанию *живой лимбургский сыр*: В первом объясняет, что живым этот бельгийский сыр называется из-за того, что благодаря своей мягкости он растекается при нарезании. Вторая

дефиниция – «сыр, покрытый слоем «живой пыли», образуемой микробами». (ОЭ-1 1999, 566) В переводах нет оттенка ни первого, ни второго значения. Штрассер и Купецкий опустили слово *живой*. У Есенского лимбургский сыр «*снова ожил*», что похоже скорее на метафору. Бодицкий под сноской даёт пояснение, что *živý syr* – это лимбургский сыр, любителем которого был сам Пушкин.

В следующем примере показан эпизод трапезы, в котором между *жарким* и десертом подают *Цимлянское* красное вино. В пушкинскую эпоху *жаркое* было последним блюдом перед десертом, приготавливалось из мяса и подавалось в горячем виде.

- 2.1 *Между жарким и блан-манже Цимлянское несут уже* [P-234]
- 2.2 *Nesie sa karé, no a za ním ešte skôr ako blanc-manger, cimľanské...* [Š-235]
- 2.3 *Medzi mäsom a blanc-manger nesú už na stôl cimľanské* [K-146]
- 2.4 *Hneď za pečenkou po pansky nesú mok vínny cimľiansky* [J-141]
- 2.5 *Sklenica mnohá zasmolená, Kým k dessertu sa nechytia, Na stôl sa zjaví z ukrytia* [B-7;8]

Каждый переводчик нашёл собственный эквивалент к слову жаркое, не исказив при этом значения. Название вина и десерта остались в своём первоначальном звучании, кроме последних двух переводов, где *блан-манже* не вспоминается совсем. В самом первом переводе С. Бодицкого автор прибегает к обобщению и не упоминает ни название десерта, ни название вина. Мясо в данном случае также опущено. Данный приём не искажает основного смысла оригинала, как в примере 2.4, где И. Купец не доносит до читателя информацию о том, что трапеза подходит к концу, так как за вином уже последует десерт.

В некоторых случаях авторы переводов оставляли оригинальное звучание не только иностранных слов, но и русских названий блюд, имеющих свои эквиваленты в словацком языке.

- 3.1 *У них на масленице жирной Водились русские блины* [P-100]
- 3.2 *Na hody mali plné misy a tešili sa na bliny* [Š-101]
- 3.3 *Kráľovnou fašiangovej misy bola im hora masných blín* [K-64]
- 3.4 *... fašiangov bola doba sýta, nezabudali na bliny* [J-61]
- 3.5 *U nich na fašiangy vždy dali Na mise ruských šišiek dost'* [B-41]

Кроме русского названия блинов у Бодицкого наблюдаем искажение первоначального смысла. Традиционно масленица на Руси не могла существовать без блинов. Словацкое слово *šiška* обозначает «*vyprázaný múčnik z kysnutého cesta, patríuch*» (KSSJ, 2003), на русский язык оно могло бы переводиться, например, словом *пышка* или *пончик*. Для русского же названия существует словацкий эквивалент *palacinka*.

В примере №4 мы столкнулись с переводом русского слова *пряник*. Пряник известен во всех славянских культурах, в том числе и в словацкой среде.

- 4.1 «А я так за уши драла!» «А я так **пряником** кормила!» [P-330]
 4.2 «Na ruky som ťa vzal. Ten krik! Ja som ti dala **medovník!** [Š-331]
 4.3 Ja v kočiку ťa vozila! Ja **perníkom** zas krmila! [K-205]
 4.4 „Ja za uši ťa ťahala! Ja **marcipánom** nakrmila! [J-201]
 4.5 „A ja za ušká štípala.“ – A do úst **medovník** ja tisla! – [B-141]

В онегинской энциклопедии *пряник* описывается как хлебное лакомство на меду (ОЭ-2 1999, 379). Исходя из этого, оба словацких варианта *perník* и *medovník* передают значение оригинала. Поначалу к сомнениям нас привело слово *marcipán*, однако Краткий словарь словацкого языка наряду со значением миндального лакомства приводит и значение нежного медового пряника. (KSSJ 2003)

В заключение приведём пример, где смысл оригинала был искажен в каждом из переводов.

- 5.1 Несут на блюдечках **варенья**... [P-110]
 5.2 „Z tých našich **zaváranín** zobrat' si ráčte... [Š-111]
 5.3 *Mištičky plné zaváranín*... [K-72]
 5.4 V pohárikoch nesú **zavárania**... [J-67]
 5.5 Na miskách nosia **zavarenia**... [B-45]

Слово варенье в русском языке обозначает «фрукты, ягоды и т.п., сваренные в сахарном сиропе, патоке или в меду». (грамота.ру 2000-2008) В словацком языке больше всего подходит слово *lekvár*, значение которого отличается от значения слова *zaváranina*. Краткий словарь словацкого языка определяет последнее, как «zavarené ovocie, zelenina: kompót». Как известно в словацкой гастрономической традиции *kompót* часто подаётся к мясу или второму. Русское же варенье относится к десерту.

2. Напитки

Тема напитков в *Евгении Онегине* также заслуживает особого внимания. Наряду с изысканными винами высших кругов встретим у Пушкина и напитки простого люда.

- 6.1 Онегин шкафа отворил <...> нашёл <...> **наливок целый строй, кувшины с яблочной водой**. [P-68]
На столик ставят воцаной Кувшин с брусничною водой [P-110]
 6.2 Onegin do skriň uprel zrak <...> celý rad **likérov z plodov**, čo dal sad. [Š-111]
 ... dajte si náš liek – **čerstvučkú šťavu z brusničiek**. [Š-69]
 6.3 Otvoril krídla oboch skriň; <...> **likéry staré, jablčnik**. [K-72]
 ... na stoliček dali **brusničnú šťavu** a vodu studenú. [K-46]
 6.4 A v skrinkiach tých, čo nevidel! <...> a v druhej **nápitkov** rad zas, džbany v nej, **jablčnica**, kvas. [J-67]
 ... postavia na stôl voštený džban s **vodou z brusníc** plnený. [J-43]

- 6.5 *Otvára Eugen skrine hned': <...> Rad z druhej skleníc zablýska, **Jablčnej vody** čbániská. [B-27]*
*Postavia na stôl veľiký **Brusničnej vody** čbániky. [B-45]*

Все три напитка: наливка, брусничная и яблочная вода, содержат алкоголь. Тем, что Онегин открыл дверцу шкафа и увидел напитки, Пушкин хотел показать, что дядя Евгения был не прочь выпить. Этот смысл утрачивается в переводе Бодицкого, который вообще не упоминает об алкогольных напитках. Лотман даёт дефиницию *брусничной* и *яблочной* водам как ягодным напиткам слабой крепости. (Лотман 1980, 181) Для нас было интересно сопоставить два примера из разных частей романа в стихах из-за того, чтобы понять насколько правильно переводчики расшифровали значение этих двух напитков. Штрассер в первом случае вообще не перевёл словосочетание кувшины с яблочной водой, а брусничную воду превратил в сок из свежей брусники. Из этого вытекает, что автор перевода не до конца разобрался с вышеупомянутыми понятиями, как впрочем и Купец, который яблочную воду перевёл словом *jablčnik*. Ссылаясь на Словарь словацкого языка (KSSJ 2003), слово *jablčnik* обозначает яблочный пирог. Вариант Есенского *jablčnica* не был найден ни в одном словаре словацкого языка. Не совсем понятен словацкому читателю и дословный перевод Бодицкого и Есенского: *voda z brusníc, brusničná voda*. Для словацкой среды брусничная и яблочная вода может ассоциироваться с компотом или другим безалкогольным напитком.

Кроме домашних напитков в тексте Евгения Онегина встречаются разного рода вина.

- 7.1 *К **Au** я больше не способен, **Au** любовнице подобен <...> Но ты, **Бордо**, подобен другу... [P-196]*
- 7.2 ***Aÿ** je milenka, je žena svojhlavá, živa rozbláznená, <...> **Bordeaux** – to je iné! Je priateľ... [Š-197]*
- 7.3 ***Šampanské** viacej nesedí mi; Je ako milá bez príčiny Svojhlavá, živá, vrtkavá. <...> **Bordeauxske** moje, ty si zato vždy priateľ verný [K-121]*
- 7.4 *К **Ai** je duša nie viac súca **Ai**, jak deva milujúca. <...> No **bordó**, podobný si druhu... [J-119]*
- 7.5 *Ку **aï** som viac nespôsobný, Во **aï** milenke je rovný <...> Ты, **Bordeaux**, priateľu si rovné... [B-81]*

В примере №7 в глаза бросается разное написание названия французской марки игристого вина АИ, которое по-французски пишется так, как его написал Штрассер «Аÿ». Купец прибегнул к генерализации и вместо названия написал шампанское. Название второй французской марки авторы переводов сохранили

в оригинальном звучании, кроме Есенского, который приспособил его домашнему правописанию.

В первой главе найдём у Пушкина название «вино кометы». Большая Онегинская энциклопедия говорит о том, что вином кометы называли шампанское урожая 1811 года. Своему названию вино обязано яркой комете, которую европейцы наблюдали с весны 1811 до зимы 1812 года. (ОЭ-1 1999, 186) Ни один из авторов переводов не перенёс данное значение в целевой текст *Евгения Онегина*.

Несомненно, каждый из переводчиков ссылался на традицию словацкого пушкиноведения, однако, ход их мыслей и видение оригинала, перенесенного на страницы переводов, остаются индивидуальными. Именно поэтому сравнение всех четырёх переводов и анализ переводческих решений может внести вклад не только в дальнейшее изучение русской литературы, но и послужить хорошим источником для переводчиков художественной литературы, а также русофилам, интересующимся русской культурой.

- 8.1 *Vošiel i пробка в потолок, **Вина кометы** брызнул ток. [P -22]*
- 8.2 *Vstúpil. Sem so šampanským! Hop – z **kométy štopel'** trafil strop! [Š -23]*
- 8.3 *Vojde, hned' fľaša nadchne ho výbuchom **moku zlatého** [K-19]*
- 8.4 *Vošiel – prask! Zátka vozvysok, **kométy z vína** striekol tok. [J-17]*
- 8.5 *Všiel – búši kork do povaly, **penavé prúdy** striekaly. [B-6]*

У Пушкина несомненно встречаются и другие наименования еды и предметов, с ней связанных, однако, в данную главу были включены те примеры, в которых авторы были неточны при переводе с русского на словацкий.

В заключение необходимо отметить, что при переводе культурных реалий, обозначающих еду, словацкие авторы приклонялись в большей мере к экзотизирующим принципам перевода. Несмотря на данный факт, у каждого из авторов также присутствует склонность к натурализации.

Сравнение и анализ четырёх словацких переводов «Евгения Онегина» является одним из недостающих звеньев в словацком пушкиноведении. Работа подобного типа может послужить вкладом не только в область словацкой русистики, но и в область словацкого художественного переводоведения в целом.

Использованная литература:

- HYNEK, A. 1899. *Český herbár*. Praha : nakladatelství Alois Hynek. [online]. [cit. 2009-05-08]. 1899. Dostupné na internete: <http://botanika.wendys.cz/cherbar/heslo.php?224>
- KOMOROVSKÝ, J. 1958. Román, v ktorom sa odrazila doba. In: PUŠKIN, A. S. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Janko Jesenský]. 1. vyd. Bratislava : Mladé letá. 1958. 241 s.
- Krátky slovník slovenského jazyka. 2003. [online]. Doplnené a upravené vydanie. Redigovali: J. KAČALA, J., PISÁRČIKOVÁ, M., POVAŽAJ, M. Bratislava: Veda, 2003. [cit. 2009-05-08] Dostupne na internete: <http://slovník.juls.savba.sk/>
- PANOVOVÁ, E. 1973. Puškinov Eugen Onegin a slovenská literatúra. In: PUŠKIN, A. S. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Ivan Kupec]. 1. vyd. Bratislava : Tatran, 1973. 280 s.
- PUŠKIN, A. S. 1900. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Samo Bodický]. Turčiansky Sv. Martin : Vydanie Kníhkupecko-nakladateľského spolku, 1900.

- PUŠKIN, A. S. 1942. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Janko Jesensky]. Bratislava : Matica Slovenska, 1942.
- PUŠKIN, A. S. 1973. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Ivan Kupec]. 1. vyd. Bratislava : Tatran, 1973. 280 s.
- PUŠKIN, A. S. 2002. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Ján Štrasser]. 1. vyd. Bratislava : Petrus, 2002. ISBN 80-967836-2-9
- ZAJAC, P. 2002. Čo je Eugen Onegin. In: PUŠKIN, A. S. *Eugen Onegin* [z ruského originálu prel. Ján Štrasser]. 1. vyd. Bratislava : Petrus, 2002. ISBN 80-967836-2-9
- БРОДСКИЙ, Н. Л. 1964. *Евгений Онегин роман А. С. Пушкина*. Москва : Просвещение, 1964.
- ГАВРИЛИНА, М. 2008. *А. С. Пушкин «Евгений Онегин»* [online]. 2008. [cit. 2009-05-08]. Доступно в интернете: <http://delovkusa.blog.ru/8915731.html>
- ЛОТМАН, Ю. 1980. *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий*. Пособие для учителя. Ленинград : Просвещение, 1980. 416 с.
- Онегинская энциклопедия в 2 т.* 1999. Т. 1. Под ред. Н. И. Михайловой. Москва : Руссуий путь, 1999. ISBN 5-85887-055-4
- Онегинская энциклопедия в 2 т.* 1999. Т. 2. Под ред. Н. И. Михайловой. Москва : Руссуий путь, 1999. ISBN 5-85887-156-9
- Справочно-информационный портал gramota.ru 2000-2008. *Словари. Проверка слова* [online]. БСМП «ЭЛЕКС-Альфа» © 2000-2008 [cit. 2009-05-19]. Доступно в интернете: <http://gramota.ru/slovari/dic> Эл № 77-4627

Preklad nenormatívnej lexiky v románe V. Sorokina *Opričnikov deň*

Zuzana Lorková

Univerzita Komenského v Bratislave

Po roku 1989, keď ruská literatúra a jej jazyk prestali podliehať dovtedajšej cenzúre, začali do nej postupne prenikať tabuované nespisovné jazykové prvky vrátane slangu, žargónu či vulgarizmov. V súčasnej dobe sa nenormatívna lexika rozšírila do mnohých komunikačných sfér a nevyhla sa jej ani televízia, média či internet. V súvislosti s touto demokratizáciou jazyka vzniká v prekladateľskej oblasti otázka ako a či vôbec prekladať tieto subštandardné jazykové prostriedky, keďže na nich prekladatelia neustále narážajú nielen pri preklade umeleckej literatúry, ale aj divadelných hier či filmových textov. Situáciu komplikuje aj takmer úplná absencia dvojjazyčných prekladových slovníkov či príručiek z tejto oblasti, najmä rusko – slovenských. Na druhej strane, v posledných rokoch badať postupne narastajúci záujem nielen zahraničných, ale aj slovenských lingvistov, literárnych teoretikov či prekladateľov o jazykové prostriedky a javy, ktoré sa vymykajú spisovnej norme. Slang, žargón a dokonca aj obscénne slová svedčia o „živosti“, bezprostrednosti či mnohostrannosti jazyka ako takého, sú jeho neoddeliteľnou súčasťou, a preto by sa týmto javom mala venovať väčšia pozornosť, s čím často krát polemizujú zástancovia „čistoty jazyka“ a „jazykovej normy“. Podľa ich názoru, ale aj názoru určitej skupiny čitateľov z radov širokej verejnosti subštandardná lexika nepatrí do verejnej komunikácie a už vôbec nie do literatúry. V tejto práci sa však pokúsim vyvrátiť tento názor a stručne analyzovať prekladateľské postupy na príklade originálneho textu a slovenského prekladu románu *Opričnikov deň*, autorom ktorého je súčasný ruský spisovateľ Vladimír Sorokin.

Vymedzenie základných pojmov

V prvom rade je však potrebné vymedziť a definovať už vyššie spomínané kľúčové termíny či slovné spojenia ako *nenormatívna lexika*, *nespisovné jazykové prostriedky* či *subštandardné slová* atď. , na ktoré sa budem v práci zameriavať.

Popredný slovenský jazykovedec Jozef Mistrík, ktorý je autorom *Lingvistického slovníku* – základnej normatívnej príručky, vymedzuje a chápe nasledovné pojmy takto:

nespisovné slová/nenormatívna lexika – jazykové lexikálne prostriedky stojace za hranicami spisovného jazyka. Nespisovnými slovami sú menovite *cudzie okazionalizmy a deformované slová* ako *šrauba*, *lift*, *naštelovať*, *senzi*, *bezva*, *telka* atď. ; *nárečové slová* (švábka, lani), *slangové slová* (intrák, cvičko, trafák), *argot*, *subštandardné slová* . (Mistrík 2002, s. 117)

V tejto práci budem najväčšiu pozornosť venovať slangovým a subštandardným slovám a slovným spojeniam. Jozef Mistrík ich definuje takto:

slangové slová (slang) – súbor lexikálnych prostriedkov používaných v komunikácii ako exkluzívny jazyk istých spoločenských vrstiev, napríklad študentov, vojakov, remeselníkov, umelcov a rozličných záujmových skupín a vrstiev. <...> Tematicky je to súbor rôznorodý, nekoordinovaný a neintegrovateľný. Rôznorodý súbor je to aj z hľadiska

slovo tvorného – sú v ňom deformované slová (*telka, trapas*), rovnako aj metafory (*oháknut' sa, zbaľiť kočku*) a univerbizované slová typu *diplomovka, plenárka*. (Mistrić 2002, s. 184)

Encyklopédia jazykovedy, autorom ktorej je okrem spomínaného Jozefa Mistríka aj kolektív známych slovenských jazykovedcov, uvádza nasledovnú definíciu subštandardných slov:

subštandardné slová – nespisovné jazykové prostriedky používané v neoficiálnej komunikačnej situácii na zámerne odlišenie sa od spisovnej normy, na uvoľnenie a oživenie prejavu; v umeleckých a publicistických textoch sa používajú ako charakterizačné prostriedok. <...> Subštandardné slová netvoria homogénnu vrstvu. Patria k nim slová blízke slangom alebo pochádzajúce zo slangov, no neobmedzujúce sa na úzku sociálnu vrstvu alebo uzavreté profesionálne prostredie, teda majúce širšiu platnosť, napr. *občianka, zlepšovák*, atď. (Mistrić a kol. 1993, s. 427)

Okrem iného Vladimír Sorokin sa neštíti ani vulgarizmov a vo viacerých jeho knihách nájdeme pestrú škálu takejto lexiky v podobe všetkých slovných druhov. Vo všeobecnosti používanie obscénných slov v rámci „šokovej terapie“ je typické pre Vladimíra Sorokina a mnohé jeho či už staršie alebo novšie texty. Tieto subštandardné jazykové prvky majú však vždy v texte niekoľko funkcií, napríklad – dopĺňajú predstavu o charaktere hrdinov alebo slúžia ako prehnaná metafora na dianie v spoločnosti. Vulgárne slová svedčia aj o tzv. vyprázdnenosti jazyka, ktorá je príznačná pre staršie Sorokinové diela. Je to do určitej miery hra so slovami a ich použitie v prejave len podčiarkuje plytkosť, bezobsažnosť alebo nezmyselnosť komunikácie.

Sorokinovi odporcovia a najmä proputinovské mládežnícke organizácie verejne kritizujú tohto autora, pália jeho knihy a niekoľko krát musel čeliť trestným oznámeniam, rovnako ako aj obvineniam zo šírenia pornografie a hanobenia literatúry.

Opričníkov deň

Opričníkov deň (2006) je prvým románom V. Sorokina preloženým do slovenského jazyka, ktorý vyšiel vo vydavateľstve Kalligram v roku 2008 zásluhou známeho prekladateľa ruskej literatúry do slovenského jazyka, Jána Štrassera. Okrem tohto diela vyšli slovenské preklady románov *Lad* (2008) a *Srdcia štyroch* (2009).

Opričníkov deň je antiutópia, podľa autorových slov „snaha pozrieť sa do budúcnosti Ruska ... táto predpoveď sa však postupne stáva realitou“ (interview v bratislavskom Artfóre, október 2009). Dej románu sa odohráva v roku 2028 v Svätej Rusi, oddelenej od Európy Veľkým ruským múrom, a zachytáva udalosti jedného dňa hlavného hrdinu, opričníka Andreja Daniloviča Komjagu. Opričnína, niekdajšia privilegovaná inštitúcia osobnej polície Ivana Hrozného zohráva veľmi dôležitú úlohu v Svätej Rusi, kde opäť vládne cár. Opričníci sa po Moskve prevádzajú v červených mercedesoch čínskej výroby, kapoty ktorých „zdobí“ psia hlava – jeden zo symbolov z dôb Ivana Hrozného. Podobné symboly majú v obyvateľoch vyvolávať rešpekt a strach z cára či moci, ktorá potrestá každého, kto sa jej odmietne podriaďiť.

Pri preklade takého textu musí prekladateľ brať ohľad v prvom rade na adresáta a cieľový kultúrny priestor (prekladateľské tradície, mentalitu, čitateľské kompetencie atď) – v tomto prípade slovenského čitateľa. Daný text nie je určený pre bežného čitateľa, ak nemá aspoň základné vedomosti o ruských dejinách a reáliách, čo potvrdil aj Vladimír Sorokin. Čo

sa týka prekladu nenormatívnej lexiky, neexistujú presné pravidlá a postupy pri preklade takých slov. Prekladateľ musel kriticky prehodnotiť mieru akceptovania takej lexiky v cieľovom jazyku a zvoliť vhodné ekvivalenty v slovenčine, zároveň však musel byť lojálny voči autorovi a zachovať vlastnosti originálu.

Prekladateľ sa preto musel popasovať nielen s ekvivalentným prekladom symbolov či reálií 16. storočia, ale aj s novodobými reáliami, technickými vymoženosťami a ruským nacionalizmom, čo spolu vytvára zaujímavý obraz postsovietskej reality. Náročnosť prekladu daného diela vyplývala aj z precíznej práce autora s jazykom na malej ploche. Na lexikálnej, štylistickej či syntaktickej úrovni stála pred ním neľahká úloha vhodne vybrať a skombinovať jazykové prvky pasívnej slovnej zásoby (historizmy, archaizmy, zastarané slová) s lexikálnymi prostriedkami typickými v rôznych sférach použitia – termínmi, žargónom, slangovými či obscénnymi slovami, ktorými hlavný hrdina v bežnej komunikácii „nešetrí“. V niektorých pasážach sa stretne dokonca aj so slovnými spojeniami z iných cudzích jazykov, napr. z čínskeho jazyka, keďže Čína v danom diele predstavuje ekonomického a politického spojenca Svätej Rusi.

Konkrétne príklady prekladu nenormatívnej lexiky

Na nižšie uvedených príkladoch v ruskom a slovenskom jazyku by som chcela demonštrovať špecifickosť jazyka daného diela, spôsob akým či už autor alebo prekladateľ pracovali s jednotlivými jazykovými prostriedkami a zdôrazniť funkciu nenormatívnej lexiky v uvedených častiach.

V prvom úryvku hlavná postava opisuje svoj červený mercedes čínskej výroby a schvaľuje nevyhnutný doplnok auta – psiu hlavu.

“У ворот стоит мой «мерин» — алый, как моя рубаха, приземистый, чистый. Блестит на солнце кабиною прозрачной. А возле него конюх Тимоха с песьей головой в руке ждет, кланяется: ‚Андрей Данилович, утвердите!‘ Показывает мне голову собачью на нынешний день: косматый волкодав, глаза закатились, язык инеем тронут, зубы желтые, сильные. Подходит.” (Sorokin 2006, s. 13)

“Pri vrátach stojí môj mediak, krvavočervený ako moja košeľa, nízky, čistý. Leskne sa na slnku jeho priehľadná kabína. A pri ňom čaká koniar Timocha so psou hlavou v ruke, klania sa: ‚Andrej Danilovič, odobrite!‘ Ukazuje mi psiu hlavu na dnešný deň: chlpatý vlkodav, oči zapadnuté, na jazyku srieň, zuby žlté, mocné. Môže byť.” (Sorokin 2008, s. 15)

V tomto úryvku je badateľné spojenie “novodobého” a “minulého”, keď sa na takzvanom mediaku pýši jeden zo symbolov moci Ivana Hrozného - psia hlava zo zapadnutými očami, ktorú si opričníci každý deň menia.

Druhý úryvok je krátka časť telefonického rozhovoru medzi hlavným hrdinom a “Baťkom”, teda hlavou opričniny, pred vyrabovaním a podpálením domu jedného z ich úhlavných nepriateľov – bojarov, ktorých v takýchto prípadoch chcú zkompromitovať.

“Здравствуй, Батя.”

“Здорово, Комяга. Готов?”

“Я-то всегда готов, Батя, а вот наши опростоволосились. Не сумели столбовому крамолу подкинуть.”

“А и не **надо** теперь ...” (Sorokin 2006, s. 17)

“Dobré zdravie, Baťko.”

“Dobré zdravie, Komiaga. **Prihotovený?**”

“Ja som vždy prihotovený, Baťko, ale naši sa opláchli. Neboli schopní bojarovi podhodit' kompro.”

“А ведь уж **ани неначим** ...” (Sorokin 2008, s. 17-18)

Zvýraznené slová v ruskej pasáži sú “neutrálne”, zatiaľ čo v slovenskej časti si môžeme všimnúť, že prekladateľ sa rozhodol použiť archaizmy, ktoré sa často vyskutujú v rozhovoroch opričníkov. Nie vždy je však možné preložiť archaizmus archaizmom, preto prekladateľ musí dbať na mieru používania týchto slov a zachovať “atmosféru” textu.

Ako tvrdí Peter Michalovič, slovenský filozof a estetik, *táto archaickosť nie je náhodná ani anachronická, navodzuje spolupatričnosť s dejinami, s tradíciami, súvislosť so “zlatým vekom” a jej zmyslom bolo vytvoriť zdanie, že práve opričníci sú zárukou jestvovania obrodenej svätej Rusi. <...> živila sa tým ilúziou, že ich jazyk nie je infikovaný všetkým nebezpečným a skazeným, čo prichádzalo raz zo západu, inokedy z Číny ...* (Michalovič 2008)

Pod skazeným a nebezpečným sa chápali, napríklad, aj vulgarizmy či slangové slová. Ak ich opričník vyslovil alebo čítal knihu, ktorá obsahovala tieto zakázané výrazy, mohol byť za to aj potrestaný. Nebránilo im to však tieto slová používať, čo pomohlo autorovi lepšie vykresliť negatívny charakter postáv.

“Что ж ты читаешь, охальник? шлепаю Посоху книгой по лбу. “Батя увидит из опричнины турнет тебя!”

“Прости, Комяга, бес понутал,” бормочет Посоха.

“По ножу ходишь, дура! Это ж похабень крамольная...” (Sorokin 2006, s. 32)

“Čo to čítaš, ty sviniar?” plesknem Posochu knihou po čele. “Keď to Baťko zazrie, vyženie ťa z opričniny!”

“Odpusť, Komiaga, diabol ma zvedol, “šomre Posocha.

“Chodiš po povraze, chmuľo! Ved' je to podvratná neprístojnosc' ...” (Sorokin 2008, s. 28)

Zákaz používania prebratých alebo vulgárnych výrazov je tiež jeden zo spôsobov zdôraznenia absurdnosti opričníckých zákonov, ktorí sa nesmeli vulgárne vyjadrovať, ale kruto vraždiť svojich nepriateľov, znásilňovať ich ženy a rabovať ich domovi mali nariadené a bolo to v súlade so zákonmi svätej Rusi. Rovnako mali povolené aj niektoré druhy drog, pretože údajne štátu neškodili, dokonca pomáhali občanom pri práci či odpočinku.

“Государев отец Николай Платонович в свое время великий указ издал «Об употреблении бодрящих и расслабляющих снадобий». По указу этому **кокоша, феничка и трава** были раз и навсегда разрешены для широкого употребления. <...> В любой аптеке можно купить **золотник кокоши** за стандартную государственную цену — два рубля с полтиною. <...> А вот **герасим, кислуха, грибы** — действительно народ травят, ослабляют, разжижают, обезволивают, тем самым государству вред нанося.” (Sorokin, 2006 s. 86)

„Panovníkov otec Nikolaj Platonovič v čase svojej vlády vydal veľký dekrét O užívaní povzbudzujúcich a uvoľňujúcich prostriedkov. Podľa tohto dekrétu **koks, perník a tráva** boli raz a naveky povolené na široké užívanie. <...> V bársakej lekárni možno kúpiť **kventlík koks** za štandardnú štátnu cenu – dva a pol rubľa. <...> Ale **herák, extáza, lysohlávky** – tie vskutku ľud trávia, oslabujú, rozriedujú, oberajú ho o vôľu, a tým pádom škodia štátu.“ (Sorokin 2008, s. 69-70)

V tejto pasáži sú zámerne zvýraznené slangové názvy pre ľahké či tvrdé drogy, ktoré zvýrazňujú detailnú prácu s jazykom na všetkých úrovniach, nielen zo strany autora textu, ale aj jeho prekladateľa, čo si nevyhnutne vyžaduje znalosť slovnej zásoby aj z takejto oblasti. Situáciu určite komplikuje pri preklade aj fakt, že neexistuje rusko-slovenský prekladový slovník slangových slov alebo žargónu.

Záver:

Spojenie archaizmov zo 16. storočia a vulgarizmov najhrubšieho zrna, červených mercedesov a psích hláv, mobilných telefónov a kyjakov vytvára absurdný obraz postsovietskej reality, ktorú sa aj takýmto netradičným spôsobom snažil autor vykresliť na relatívnej malej ploche. Prekladateľ mal neľahkú úlohu správne indentifikovať jednotlivé výrazy a ich funkciu, musel však dbať na to, že pri Sorokinovi jazyk neslúži iba ako nástroj komunikácie, ale aj ako symbol modelu sveta.

Použitá literatúra:

- Místrík, J. a kol. : *Encyklopédia jazykovedy*. Bratislava: Obzor, 1993. ISBN 80-215-0250-9
Místrík, J. : *Lingvistický slovník*. Bratislava: SPN, 2002. ISBN 80-08-02704-5
Sorokin, V. : *Deň opričníka*. Moskva: Zacharov, 2006. ISBN 978-5-8159-0797-3
Sorokin, V. : *Opričníkov deň*. Bratislava: Kalligram, 2008. ISBN 978-80-7149-993-0
Michalovič, P. : *Jeden deň plný umných rituálov*.
<http://komentare.sme.sk/c/3811586/jeden-den-plny-umnych-ritualov.html>

Dramatizmus zmien v prekladaní ruských dramatických textov do slovenčiny v období 1985 – 2005 (konceptia, základné východiská a hypotézy)

Lucia Mattová

Univerzita Komenského v Bratislave

1. Úvod

Cieľom príspevku je v základných črtách predstaviť tému, problematiku a predmet môjho výskumu ako doktorandky na Katedre ruského jazyka a literatúry FIF UK v Bratislave: poukážem na základné východiská, koncepciu a uvediem hlavné hypotézy, s ktorými som počas výskumu pracovala. V závere popíšem najdôležitejšie výsledky, doterajšie zistenia a predpokladaný nasledujúci postup.

2. Základné východiská

Cieľom výskumu je zmapovať situáciu v oblasti prekladania ruských dramatických textov do slovenčiny po roku 1989 a na základe získaných faktov identifikovať celkové tendencie v prekladaní, vydávaní a recipovaní dramatických textov ruskej proveniencie v slovenskom literárno-kultúrnom priestore. Problematika zmien a otázka dynamiky v prekladaní ruských dramatických textov do slovenčiny v zlomovom období pred a po roku 1989 sa javí (vzhľadom na intenzívny vplyv literárnych, ale aj mimoliterárnych faktorov) ako kľúčový bod nasledujúceho vývinu v tejto oblasti, ale najmä pre nedostatočný časový odstup a pre znížený záujem recipienta a kultúrnych ustanovizní nie je táto problematika do dnešného dňa dostatočne zmapovaná. Výskum sa osobitne zaoberá prekladmi ruských dramatických textov vo všetkých formách ich realizácie a pôsobením týchto prekladov v slovenskom literárno- kultúrnom priestore.

Rok 1989 sa stal zlomovým z historického, literárneho aj literárno-vedného hľadiska, keďže po tomto roku došlo k radikálnemu prehodnoteniu pozícií ruskej literatúry v slovenskom kultúrnom priestore. Práve táto radikálna zmena sa stala východiskom pre naše uvažovanie o súčasných tendenciách v prekladaní ruskej dramatickej spisby do slovenčiny, o tom, ako tento korpus preložených dramatických textov funguje a aké má úlohy v súčasnom slovenskom kultúrnom priestore. Vzhľadom na stanovené ciele výskumu, zadefinované základné východiská, ale aj opierajúc sa o primárne zistenia som sa rozhodla, že za počiatočný bod výskumu nebudem považovať zlomový rok 1989, ale s cieľom zachytiť prvotné reakcie a náznaky zmien, transformácie v literárno-historickom aspekte a zároveň zachytiť aj doznievanie predpokladaného *dramatizmu*, som si za začiatok výskumu zvolila rok 1985 a za konečný bod výskumu rok 2005. V argumentácii však využívam aj širšiu kontextualizáciu v čase a priestore, ktorá prekračuje vymedzené súradnice, pretože práve takúto kontextualizáciu považujem za jednu z významných metód pri pokuse interpretovať jednotlivé javy, procesy a skutočnosti, spadajúce do vymedzeného predmetu výskumu.

Počas riešenia nastolených otázok som sa najskôr pokúsila charakterizovať situáciu v oblasti prekladania ruských dramatických textov a ich základné vývinové tendencie v súčasnosti. Výhodiskom výskumu je na jednej strane analýza historického vývoja a tradícií v oblasti prekladania ruských dramatických textov do slovenčiny a na strane druhej analýza ich súčasných funkcií v slovenskej literatúre a kultúre. Venovala som sa otázke výberu textov na preklad, ich reprezentatívnosti, funkciám a pôsobeniu v slovenskom literárno-kultúrnom kontexte. Výstupom analýzy danej problematiky zo synchronného a diachrónneho hľadiska sú dve štúdie: *Ruská dráma v slovenskom literárnom kontexte v diachrónnom prehľade* (Mattová, 2009a) a *Ruská divadelná hra a jej podoby na Slovensku po roku 1989* (Mattová, 2009b). Dosiadnuté výsledky a zistenia bude následne možné konfrontovať s korpusmi preložených dramatických textov do slovenčiny z iných porovnateľných (anglicky, francúzsky, nemecky písaných) literatúr, resp. s korpusmi textov preložených z ruštiny v iných stredoeurópskych kultúrnych priestoroch (poľský, maďarský, český), čím sa tendencia v prekladaní ruských (nie len) dramatických textov v slovenskom literárno-kultúrnom priestore uvedie do širšieho stredoeurópskeho kontextu.

Jednotlivé výstupy výskumu prispievajú k určeniu miesta, funkcií a prínosu prekladu ruských dramatických textov v slovenskom kultúrnom priestore, a tak môžu pomôcť k hlbšiemu poznaniu konštituujuúcich sa súradníc súčasného slovenského kultúrneho priestoru, pretože jednou zo základných úloh prekladovej literatúry je obohacovať národnú literatúru a kultúru. S týmto cieľom vznikli aj štúdie *Translation of drama as an intercultural dialogue between two national literatures* (Mattová, 2009c) a *Miesto a funkcie prekladu v systéme národnej literatúry a kultúry. Ruská dramatická tvorba (na) začiatku 21. storočia (prípadová štúdia)* (v tlači), ktoré sa zameriavajú na čiastkovú kontextualizáciu existujúcich prekladov z ruskej dramatiky v rámci slovenského literárno-kultúrneho priestoru s akcentom na otázku transferu kultúrnych znakov z vysielajúcej do prijímajúcej kultúry.

3. Koncepcia a hypotézy

Analýza miesta a funkcií korpusu preložených diel z inonárodných literatúr v danom kultúrnom priestore je zväčša doménou literárnovednej reflexie danej kultúry. Z toho vyplýva, že aj zafinovaná úloha je predmetom slovenskej literárnovednej, translatickej a teatrologickej reflexie. Otázku prekladu ruských dramatických textov do slovenčiny mapujú zatiaľ iba čiastkovo zamerané práce, príspevky či monografie. Absencia komplexného výskumu v tejto oblasti je ešte vážnejšia, ak vezmeme do úvahy spomínané výrazné zmeny v prístupe k prekladaniu textov z ruštiny, ich výberu, prístupu slovenských kultúrnych ustanovizní, ku ktorým došlo po roku 1989.

Na začiatku výskumu stála základná hypotéza, že po rokoch, keď ruská literatúra bola prekladaná nie výhradne na základe svojich literárnych kvalít, ale výber dominantne ovplyvňovali mnohé mimoliterárne faktory, sa ruská dramatická tvorba dostáva bez ideologického podtextu do voľnej interakcie s ostatnými národnými literatúrami v rámci daného kultúrneho priestoru. Zmeny v prístupe k prekladu ruských dramatických textov je potrebné interpretovať nielen na základe binárneho vzťahu ruského a slovenského literárneho

kontextu, ale aj v súvislosti s mnohonásobnými vzťahmi jednotlivých inonárodných literatúr v rámci prijímajúceho literárno-kultúrneho priestoru. Tieto vzťahy potom determinujú postavenie danej inonárodnej literatúry voči ostatným inonárodným literatúram v rámci prijímajúceho kontextu a aj voči prijímajúcemu kontextu v súradniciach ich binárneho vzťahu.

Stanovené ciele výskumu sú riešené metódou analýzy dostupných prekladových textov z ruskej dramatickej spisby a relevantných teoretických reflexií tejto tvorby v slovenskej literárnej vede, translatológii a čiastočne aj teatrológii, ktoré budú následne uchopené v literárno-historickom aspekte, sumarizované (aj pomocou štatistických metód) a konfrontované so stavom iných porovnateľných korpusov preložených dramatických diel a ich reflexie v danom literárno-kultúrnom priestore.

4. Doterajšie zistenia a výsledky

Na základe uskutočneného pramenného materiálového výskumu vznikla primárna sumarizácia a periodizácia skúmaného materiálu, ktorá posluží pre budúcu interpretáciu skúmaných prekladových textov z ruskej dramatickej spisby.

4.1 Vymedzenie skúmaného materiálu

Predmetom výskumu sú korpusy všetkých ruských dramatických textov (od klasických až po súčasné), ktoré boli do slovenčiny preložené v období 1985 – 2005 a ktoré sa svojou realizáciou v prijímajúcom prostredí stali jeho integrálnou súčasťou. Neoceniteľným zdrojom poznatkov o existujúcich slovenských prekladoch ruských dramatických textov boli bibliografické zoznamy a rešerše Slovenskej národnej knižnice v Martine a Divadelného ústavu v Bratislave. Po analýze pramenného materiálu z uvedených zdrojov som dospela k záveru, že problematiku prekladu ruských dramatických textov do slovenčiny v literárno-historickom a translatologickom aspekte je potrebné vnímať cez jednotlivé množiny existujúcich prekladov dramatických textov, ktoré vznikli v stanovenom období v prijímajúcom kontexte s nasledovnými cieľovými realizáciami: knižná publikácia, časopisecká publikácia, rozhlasová inscenácia, divadelná inscenácia.

Predpokladaná konečná realizácia dramatického diela determinovala aj jeho podobu a prekladateľskú stratégiu, čím sa však nevyklučuje ani viacnásobná a rôznorodá realizácia jazykového podkladu. Množina všetkých realizovaných (a v určitom prípade aj existujúcich, ale nerealizovaných) prekladov ruských dramatických textov následne vytvára konečnú predstavu prijímajúceho kontextu o stave a podobe ruskej dramatickej spisby v danom kultúrnom priestore. Táto predstava je potom modifikovaná spôsobom realizácie, jej spoločenskou a kultúrnou závažnosťou (náklad knižného vydania, počet repríz divadelného predstavenia, ale aj spoločenský status vydavateľstva či divadla, forma vydania, výprava inscenácie a pod.).

4.2 Sumarizácia a periodizácia skúmaného materiálu

Nakoľko predmet výskumu spadá do rozmedzia dvadsiatich rokov, vznikla potreba rozčleniť a uchopiť daný materiál podľa relevantných kategórií v menších časových úsekoch.

Potreba periodizácie vznikla ešte pred konkrétnou detailnou interpretáciou a hĺbkovou analýzou jednotlivých prekladov dramatických textov, prekladateľských stratégií a riešení. Periodizácia zároveň napomáha uvedomiť si mieru vplyvu literárnych aj mimoliterárnych faktorov pri vzniku a realizácii konkrétneho prekladu dramatického textu a výrazným spôsobom uľahčila hľadanie možných paralel v synchrónnom aj diachrónnom aspekte.

Navrhnutá periodizácia je založená na dostupných poznatkoch a na výsledkoch prvotnej analýzy výskumného materiálu. Určené obdobia a medzníky sú dominantne medzníkmi spoločensko-historickými, ktoré následne determinovali ďalší literárny vývin a pomôžu poodhaliť osobitosti slovensko-ruských literárno-kultúrnych vzťahov v oblasti prekladu ruských dramatických textov obdobia 1985 – 2005. Vychádzajúc z už uskutočneného výskumu vznikla navrhovaná periodizácia skúmaného obdobia (1985 – 2005):

1. *Na prahu zmien (1985 - 1989)*
2. *Posledné roky spoločného česko-slovenského kultúrneho priestoru (1989 – 1993)*
3. *Prvé roky samostatnosti (1993 – 1999)*
4. *Slovenský literárno-kultúrny priestor v 21. storočí (2000 – 2005)*

V rámci popísaných časových úsekov sa uskutočnil primárny rozbor a kontextualizácia existujúceho stavu skúmanej problematiky s potenciálom jej ukotvenia v širšom stredoeurópskom priestore s osobitým akcentom na a) ruskú drámu ako predmet prekladateľskej činnosti, tvorivý výber, prekladateľské koncepcie a možnosti; b) ruskú dramatickú spisbu a jej formy realizácie; c) úlohu prekladateľa v procese prenikania ruskej dramatickej spisby do slovenského literárno-kultúrneho priestoru.

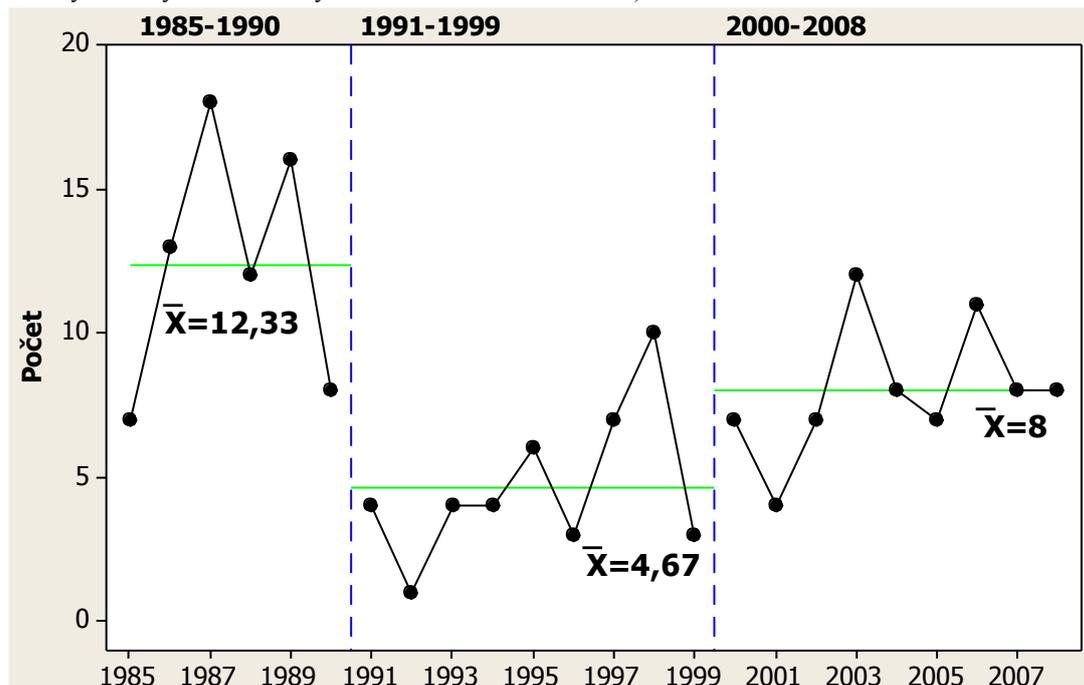
4.3 Stav a podoba prekladania ruskej drámy na Slovensku (primárne zistenia)

Na počiatku výskumu sme vychádzali zo zjednodušenej premisy, že situácia v oblasti prekladania ruskej literatúry (vrátane dramatických textov) pred a po roku 1989 sa môže javiť ako dva historické a spoločenské protipóly, vyvolané rôznymi (do veľkej miery mimoliterárnymi) faktormi. Avšak pri hľadaní odpovede na otázku, aké miesto zaujíma a aké funkcie plní ruská dramatická tvorba v slovenskej kultúre, je potrebné ukotviť túto problematiku v minimálnom literárno-historickom kontexte vrátane miery vplyvu aj takých faktorov, ktoré priamo nesúvisia s umelecko-estetickou funkciou literatúry či s umeleckými hodnotami prekladaných diel, čím sa skúmaná problematika skonkretizuje z diachrónneho aj synchrónneho hľadiska. Vzhľadom na neukončenosť výskumu som v prvých štúdiách využívala na demonštráciu stavu a podoby prekladania ruskej dramatickej spisby do slovenčiny predovšetkým štatistické metódy, zistenia som premietla do grafov a tabuliek, ktoré pomáhajú zachovať dostatočnú mieru odstupu a pomáhajú pri vlastnej interpretácii.

Primárna hypotéza vychádza z predpokladu, že po roku 1989 dochádza k radikálnemu prehodnoteniu prekladania ruských dramatických textov, čo súviselo s mierou presýtenia slovenského literárno-kultúrneho priestoru týmito textami, zmenou zorného uhla a sústredením sa najmä na iné národné literatúry, ale aj potrebou slovenských kultúrnych ustanovizní na začiatku 90. rokov 20. storočia vyrovnáť sa so zmenenými spoločensko-politickými a literárno-kultúrnymi podmienkami. Všetky vyššie spomenuté faktory a ich

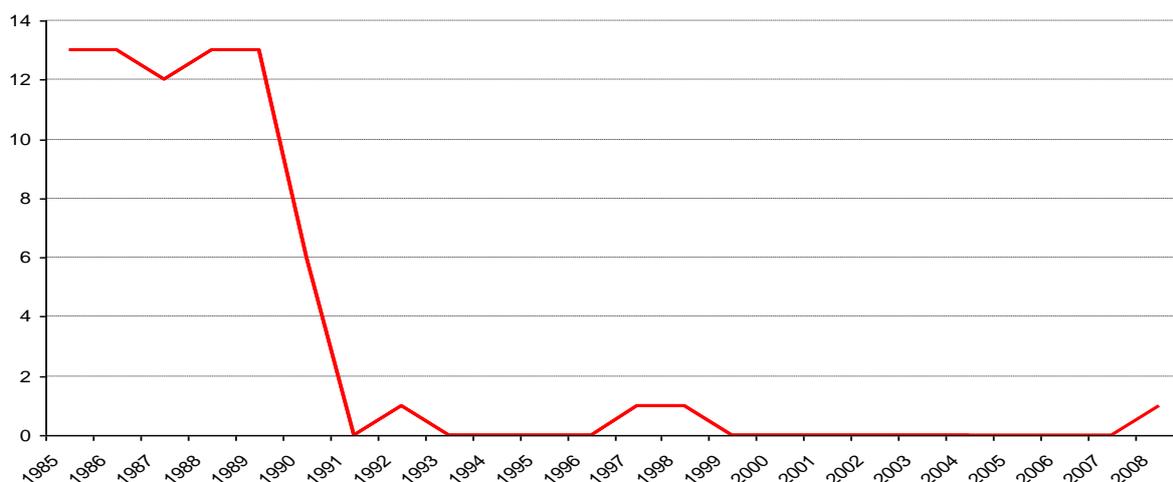
vzájomná interakcia sa nakoniec prakticky okamžite prejavila v kvantitatívnom znížení počtu inscenovaných ruských dramatických textov (pozri graf č. 1) a po určitom prechodnom období v miernej konsolidácii v prospech prekladania súčasnej ruskej dramatickej tvorby. V uvedenom grafe je zobrazený pomerne široký kontext takmer tridsiatich rokov a vidíme jasné tendencie a osobitosti každého obdobia. Symptomatically pôsobí už pohľad na jednotlivé desaťročia (80. roky 20. storočia, 90. roky 20. storočia, prvé desaťročie 21. storočia), ktoré z pohľadu skúmanej problematiky reprezentatívne odrážajú primárny charakter doby.

Graf č. 1: Ruská dráma v slovenských divadlách v rokoch 1985 – 2008 (x = priemerný počet inscenovaných ruských dramatických textov v danom desaťročí).

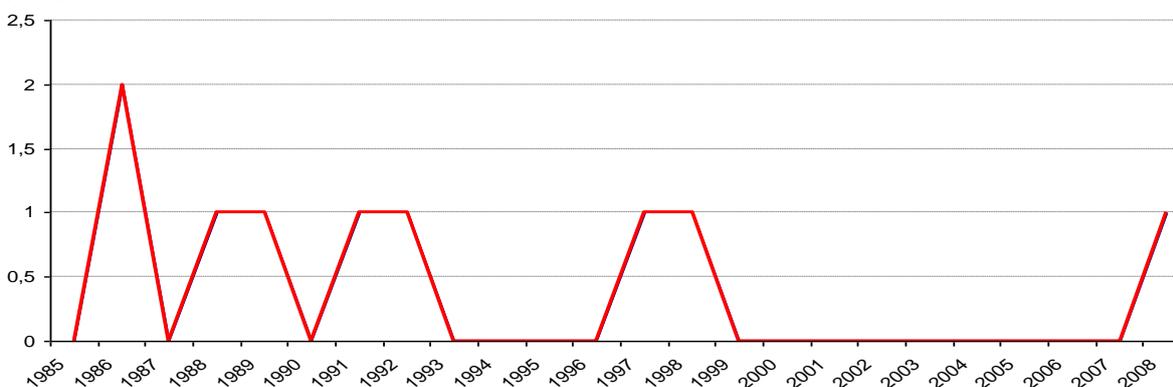

Obdobné faktory a vplyvy pôsobili v danom období aj na knižnom trhu, na ktorom má dramatická tvorba sama o sebe špecifické postavenie. Z primárneho pramenného výskumu vyplynulo, že v prípade knižných publikácií dramatických textov zohrala dominantnú úlohu vydavateľská činnosť Slovenskej literárnej agentúry (LITA), keďže prevažná časť knižných publikácií z ruskej (ale aj z iných inonárodných literatúr a domácej) dramatickej tvorby do roku 1989 vznikla vďaka činnosti LITY. Tieto publikácie mali podobu zošitových vydaní a vychádzali v relatívne malom náklade pre potreby slovenských divadiel. Napriek primárnemu určeniu pre potreby slovenských divadiel sa dostávali aj k slovenskému čitateľovi, prispievali k utváraniu obrazu o stave ruskej dramatiky na Slovensku a zaslúžili sa o obohatenie slovenskej literatúry a kultúry ako celku. Slovenské vydavateľstvá (najmä vyd. Tatran) sa vydávaniu ruskej drámy venovali skôr okrajovo a uprednostňovali prevažne ruskú klasickú dramatickú spisbu. Reakcia knižného trhu na zmenenú spoločensko-politickú situáciu po roku 1989 je interpretovaná v súradniciach tohto špecifika. Priebeh vývinovej krivky (pozri graf č. 2 a 3) je rozkolísanejší, ale v princípe odráža obdobné tendencie, ako tomu bolo v prípade divadelných inscenácií ruských dramatických textov.

Graf č. 2: Počet knižných vydání ruskej drámy v slovenskom preklade ročne (vrátane vydavateľskej činnosti LITY).

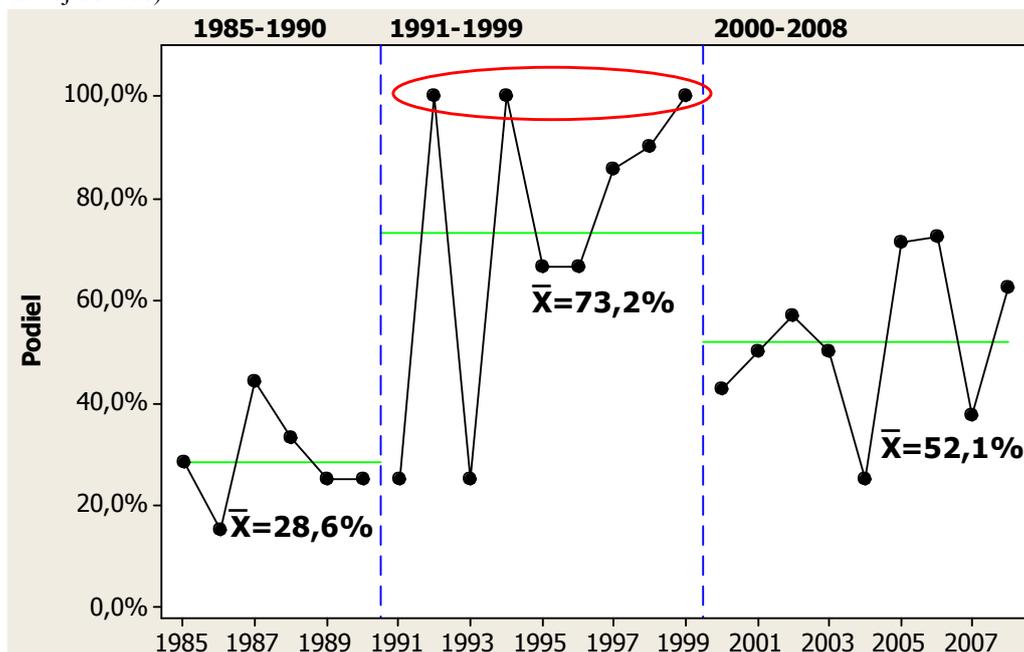

Graf č. 3: Počet knižných vydání ruskej drámy v slovenskom preklade ročne (bez publikácií vydaných v LITE).

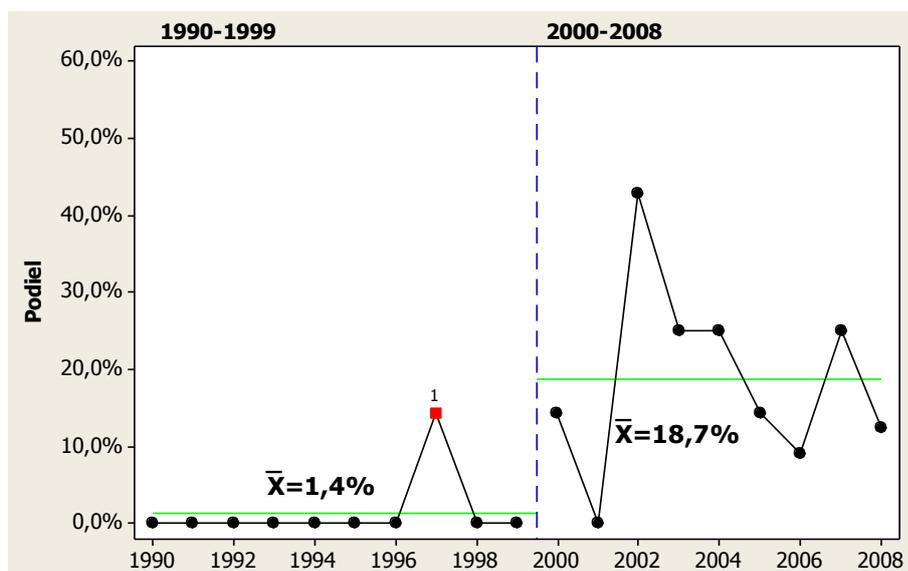
Spôsob akým slovenský literárny a kultúrny kontext reagoval na zmenenú spoločensko-kultúrnu situáciu demonštruje aj graf č. 4. V rokoch 1990 – 1999 (ktoré sú vo všeobecnosti považované za turbulentné obdobie, pretože sa stali mostíkom medzi obdobím, v ktorom bola ruská literatúra často nástrojom pre plnenie ideologicky motivovaných cieľov, a novým tisícročím). V tomto prechodnom období sa z ruskej dramatiky do slovenských divadiel dostávajú takmer výhradne klasické diela. Tvorili viac ako 70 % z celkového počtu inscenovaných ruských dramatických diel (v rokoch 1992, 1994, 1999 až 100 %) - k najvyhľadávanejším patrili diela A. P. Čechova (predovšetkým drámy *Tri sestry* a *Čajka*), zdramatizované prózy F. M. Dostojevského a komédie N. Gogoľa (paradoxne najfrekvencovanejším nebol svetoznámy *Revízor*, ale *Ženba*).

Graf č. 4: Percentuálny podiel klasických ruských hier na celkovom počte inscenovaných ruských dramatických textov v repertoároch slovenských divadiel v rokoch 1980 – 2008 (x = priemerný percentuálny podiel v danej dekáde).

Postupne dochádza k určitej konsolidácii a začínajú sa objavovať prvé preklady súčasných ruských drám, čo dokazuje, že slovenská translatická, literárnovedná a kultúrna reflexia si začína všímať aj súčasnú ruskú dramatickú tvorbu a prináša ju do slovenského literárno-kultúrneho kontextu. Dochádza k postupnej vzájomnej interakcii s korpusom už do slovenčiny preloženej ruskej dramatickej spisby a s korpusmi iných preložených dramatických textov z národných literatúr v rámci prijímajúceho kontextu (pozri graf č. 5).

Graf č. 5: Percentuálny podiel súčasných ruských drám na celkovom počte inscenovaných ruských dram. textov v repertoároch slov. divadiel v rokoch 1990 – 2008 (x = priemerný percentuálny podiel v danom desaťročí).

5. Niekoľko slov na záver

Cieľom tohto príspevku bolo v základných črtách predstaviť tému, problematiku a predmet môjho výskumu. V skratke som poukázala na základné východiská, koncepciu a hlavné hypotézy, ktoré stáli na počiatku výskumu a s ktorými pracujem aj naďalej pracovať.

Na základe už uskutočneného výskumu možno konštatovať, že sa potvrdila primárna hypotéza, t.j. vo vymedzenom období 1985 – 2005 skutočne došlo k prehodnoteniu pozícií a funkcií ruskej dramatickej tvorby v slovenskom literárnom a kultúrnom priestore ako následok spoločensko-politických a literárno-kultúrnych zmien. Aj napriek tomu, že detailná analýza konkrétnych prekladových textov, riešení a koncepcií nie je dokončená, môžem konštatovať, že predpokladaný odklon od uvádzania a publikovania (a prekladania vôbec) ruských dramatických textov sa výrazne prejavil dominantne v 90. rokoch 20. storočia, ktoré ako som uviedla možno vo všeobecnosti považovať za obdobie turbulencií a prehodnocovania. Prakticky od začiatku 21. storočia sa situácia postupne konsoliduje (hoci v odlišných súradniciach, ako tomu bolo pred rokom 1989). Ruská literatúra si po primárnom, niekedy až nekritickom, odmietaní postupne nachádza nové miesto v slovenskom literárno-kultúrnom priestore pozbavená pôvodného ideologického podtextu (hoci určité predsudky a klišé pretrvávajú aj naďalej) a ukotvuje sa v prijímajúcom literárno-kultúrnom priestore. Treba však zdôrazniť, že pretrvávajúce klišé treba nie vždy chápať ako negatívny jav. Ako som poukázala na príklade klasických dramatických diel, určité zaškatuľkovanie a asociácie, môžu niekedy pomôcť prekonať primárne bariéry a odmietanie.

V nasledujúcich etapách výskumu sa posuniem od všeobecného kvantitatívneho a štatistického hodnotenia stavu skúmanej problematiky k detailnému a kvalitatívnemu výskumu konkrétnych prekladov dramatických textov, jednotlivých prekladateľských riešení, stratégií a koncepcií, ktoré budem sumarizovať a interpretovať v rámci jednotlivých časových období, čím sa odhalia prípadné paralely, tendencie a miesto prekladov ruskej dramatickej spisby v slovenskej literatúre a kultúre. Ruská dramatická spisba sa ako celok prirodzene nevracia na pozície pred rokom 1989, ale zaujíma nové miesto a funkcie, prináša osobité umelecké podnety do slovenského kultúrneho priestoru a dostáva sa do voľnej interakcie s korpusmi prekladovej dramatickej spisby iných národných literatúr v rámci slovenského literárno-kultúrneho kontextu.

Použitá literatúra:

Databázy Divadelného ústavu v Bratislave (dostupné na www.theatre.sk/sk/04/0101.htm).

Ďurišin, D.: *Umelecký preklad v medziliterárnom procese*. In: *Osobitné medziliterárne spoločenstvá 4*. Bratislava : ÚSL SAV, 1992, s. 209 – 223.

Kenížová-Bednářová, K.: *Miesto a funkcia prekladu v kultúre národa. Metodologické poznámky k dejinám prekladu*. In: *K otázkam teórie a dejín prekladu na Slovensku II*. Bratislava : ÚSL SAV, 1994, s. 8 – 22.

Mattová, L.: *Ruská divadelná hra a jej podoby na Slovensku po roku 1989*. In: *Dialog kultur 5* (CD ROM), Ústí nad Orlicí : Oftis, 2009, s. 497-505. ISBN 978-80-7405-045-9

Mattová, L.: *Ruská dráma v slovenskom literárnom kontexte v diachrónnom prehľade*. In : *Literatúra v kontexte slovanskej kultúry 20. storočia* (CD ROM), Banská Bystrica : Fakulta humanitných vied UMB, 2009, s. 19 – 24. ISBN 978-80-8083-865-2

Mattová, L.: *Miesto a funkcie prekladu v systéme národnej literatúry a kultúry. Ruská dramatická tvorba (na začiatku 21. storočia (prípadová štúdia)*. In: *II. Kongres českých slavistů. 20.1 – 21.1.2010 Hradec Králové (v tlači)*.

Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836 – 1996. Bratislava : ÚSL SAV, 1998, s. 132 - 139. ISBN 80-88815-04-5.

Slovenská národná bibliografia. Slovenská národná knižnica v Martine (dostupné na <https://www.kis3g.sk/>).

Особенности русского менталитета на фоне романа И.А. Гончарова «Обломов»

Екатерина Сташевская
Карлов Университет в Праге

Роман, написанный Иваном Александровичем Гончаровым полтора века назад, жив и актуален и по сей день. Для более полного уразумения сути романа необходимо помнить, что годом выхода произведения в свет является 1859-й, то есть, за два года до отмены крепостного права на Руси.

Долгое время читатели «Обломова» были разделены на два противоположных идейных лагеря. Одни жестко критиковали роман и его автора за клевету на русского помещика, за едкое карикатурное его изображение и резкую против него настроенность Гончарова. Другие же, относящиеся к прогрессивно настроенным течениям, выступавшим против угнетения и порабощения простого мужика, видели в романе горькую действительность, грустную картину, отображавшую русский уклад жизни на протяжении многих веков (Добролюбов, 1859, 135).

Итак, прошло сто пятьдесят лет, крепостное право давно отменено, но смыты ли временем те черты русского человека, поддерживающие некогда такое положение вещей? Они лишь трансформировались в современный политический и экономический строй, приспособились внешне, сохранив в основе своего мышления менталитет предков.

«Обломовщина» – естественный результат развития истории. Слово это закодировано в сознании русского человека и существовало задолго до написания романа и ещё столько же просуществующее.

Для того, чтобы немного разобраться в возникновении такой модели поведения в современном нам и Гончарову мире, необходимо заглянуть в историю. Можно полагать, что исходным толчком этому послужило принятие христианства на Руси в 988 году. Что было до этого? Многобожие. После же Бог стал единым, а язычество истреблялось, караясь государством. Единый правитель на небе стал зеркальным отражением правителя на земле. Великий князь отныне стал наивысшим духовным лицом, верховным воеводой и, вместе с тем, неоспоримой главой всех русских земель. Наступила некая гармония, ар и ра сошлись.

С новым религиозным укладом изменилось и восприятие людей. Глава государства стал больше, чем просто человек, он был богом на земле, которому благоприятствовал единый христианский бог на небе. Простые обыватели возымели большую уверенность в исключительности своего правителя, народ стал сплочаться, опираясь на новое единство.

Достоевский говорит о двойной силе русских: всецелость и духовная сплоченность, и теснейшая связь с царём (Масарик, 1995). Вот здесь и произошло первое переключение сознания, реорганизация менталитета. На протяжении многих столетий, народу и в голову не могло прийти сомневаться в божественности своего

правителя, не говоря уже о том, чтобы поднять на него руку. Да и возможно ли было земной силой лишить вседержителя престола и жизни? Это только значительно позже, в девятнадцатом веке, безжалостный террор опровергнет это давнее заблуждение.

Второй, не менее важной вехой на пути усовершенствования «обломовщины» в людях, стало монголо-татарское нашествие. Почти 250 лет русские земли находились в запуганном состоянии, долгом их было всячески услуживать захватчикам, платить им дани и всяческие подаяния. Не отсюда ли пошло позднейшее чиновничество и бюрократия?

Сложная иерархическая лестница пронизывала всю Россию вдоль и поперек. На высшей ступени стоял император. На каждой ступени ниже стояло лицо, с одинаковой силой осознающее свое подданничество следующей ступеньке и свое превосходство над более низшей. Сильнейший контраст раболепства и произвола впитался в сознание русского человека. Чтобы эта система исправно функционировала, необходимы также помещики. Хоть и не высоко они стояли на этой пирамиде, но всё же, имели достаточно прав, чтобы совершать самосуд, отхлёстывать крестьян, женить и выдавать замуж без их на то воли. Одним словом, поддерживать своё превосходство и словом и делом.

Иван Александрович Гончаров не имел в мысли зло насмехаться над своим героем, наоборот, он ему искренне сочувствовал. Иначе, мог бы главный герой обладать такими высочайшими человеческими качествами как доброта, искренность, желание любить, неспособность причинить окружающим людям вреда, сопереживание современному миру? Гончаров изобразил крайность, конечный итог помещика. Илья Ильич – лишь единичный случай, а таких, наверняка, было множество. Тысячи помещиков вели подобный образ жизни, при этом даже не задумываясь, что живут они неподобающе, что они лишь существуют, эксплуатируя при этом. Основа же их такого барского положения – род, то есть, чистая случайность, он них не зависящая.

Очень ярко это иллюстрирует писатель в диалоге Обломова с Захаром, когда Илья Ильич, буквально, вышел из себя после сравнения его с остальными. Как так? Он барин, хозяин Захара, а тот осмелился в лицо ему такое выкинуть! Это, разумеется, подрывало всё обломовское мировоззрение. С детства ему внушалось, что он барчонок, холили его и лелеяли, всячески ему угождали.

«Он эгоист по наивному убеждению, что он человек особой породы и на него должны работать принадлежащие ему люди. Люди должны его беречь, уважать, любить и все за него делать; это право его рождения, которое он наивно смешивает с правом личности» (Анненский, 1882).

Какого бы возраста не были его слуги, вел он себя фривольно, заставлял их себе прислуживать. И мог ли он себя тут вести по-другому, коль с малых лет вокруг себя видел только такое обращение? Отсюда видно, что быт определяет сознание.

До абсурда доходит прислуживание ему Захара. Даже таких элементарных вещей, как одеться, Обломов и то не в состоянии совершить самостоятельно. Ни одному, ни другому и в голову не придет, что это, по меньшей мере, бесчеловечно: принуждать старого человека прислуживать себе.

Чтобы наиболее ярко подчеркнуть изнеженность и заскорузлость подобных помещиков, Гончаров дарит Обломову друга.

Без преувеличения можно сказать, что Андрей Штольц является полной противоположностью Обломова. Будучи наполовину немцем, Штольц распланировал всю свою жизнь по дням, по часам. Он невероятно трудолюбив, усидчив, всегда перед собой имел определенную цель, к которой не уставал стремиться. В труде, заботах, науках, Андрей находил свое счастье и смысл жизни. Ещё маленькими мальчиками, Илья и Андрей пообещали друг другу, что будут вместе совершать великие дела, ко многому стремиться, трудиться. Но, прошло время, Андрей уехал из деревни, а Илья так и остался там киснуть. И, чем больше он там жил, тем фантастичнее ему представлялись его детские мечты. Немецкая и русская помещицья крови взяли верх. Гончаров в мировоззрении двух друзей столкнул восток и запад, разум и чувство, стремительность и ожидание. Встречаясь каждый раз после продолжительной разлуки, Илья и Андрей становились всё отдаленнее в своих идеях и смысле жизни. Андрей отказывался верить, что из того живого и веселого мальчугана, которого он знал и помнил с детства, вырос такой обрюзгший, уставший от жизни увалень. Штольц не понимал, как можно так жить, когда не живешь вообще, только ешь, пьешь, спишь, то есть, существуешь. Но, вместе с тем, Обломов не был глупым человеком, он постоянно думал, планировал, анализировал... Однако, его мысли так и оставались мыслями, а мечты мечтами, не нашедшими воплощения в жизни и, как родившимися на кровати, там же и умершими.

Негативные отзывы читателей романа возникли отчасти от видения себя самих в Обломове, отчасти от нежелания как-либо менять сложившийся ход вещей. Мыслящая же интеллигенция грустно соглашалась, что так оно и есть, но изменить это пока не было возможности.

Основной идеей романа было изображение величайшей проблемы русского народа. Роман одного героя, трагедия одной проблемы. Илья Ильич сплотил в себе в чрезмерной степени, сам стал символом грустного, действительного и трагического понятия «обломовщина». Катастрофическое нежелание что-либо делать, чтобы улучшить свой быт, течение своей жизни, уничтожает в Обломове все жизненные порывы. Хотя, сам Илья Ильич прекрасно осознает, что он с каждым своим днём опускается в глубокую, мрачную пропасть, небытие, из которого его из года в год становится всё трудней вытаскивать.

Являясь величайшим теоретиком, Обломов совершенно разучился давать жизнь своим идеям, материализовывать их. Порой лень его доходит до таких колоссальных размеров, что и мысль свою он пытается притормаживать, аргументируя это своей утомленностью, изнуренностью мысли. Иногда врываются в его разум последние жизненные силы, он полон энергии, готов предпринять всё, что угодно. Но, моменты эти настолько же быстро преходящи, насколько быстро и смело они вдохновляют его разум, приглушенный подушкой и ничегонеделанием.

В романе мы сталкиваемся со стремлением близких Обломову людей помочь вернуть его к жизни. Андрей Штольц наотрез отказывается верить в безысходность его положения, буквально насильно пытается его расшевелить, вывести в люди, выдвигает смелые решения о поездке по Европе (что Обломов рассматривает как страшный сон и величайшую муку). На некоторое время Обломов побежден Штольцем, который и слышать не желает его препирания и отговорки. И тогда в романе Илья Ильич

предстает перед нами совершенно другим, новым, воскресшим человеком. Как будто кто-то мановением руки снова вернул ему все жизненные соки и прежние стремления. Обломов понимает, что для него еще не все кончено, что он молод и еще в состоянии все вернуть. Такое его состояние души особенно легко проследить после встречи с Ольгой Сергеевной Ильинской. Она дарит ему новую жизнь, ранее ему неизвестную – жизнь через призму любви. Два потока энергии, пытавшиеся Илью вывести из состояния комы – дружба и любовь. В то время, как Андрей приводит ему чисто рациональные доводы, Ольга пытается обратиться напрямик к его чувствам, расшевелить в нем жизнедеятельность, присущую людям его возраста. И у неё это великолепно получается, она своими руками воссоздает почти уже пропавшего человека, вдыхает в него новую жизнь и стремление. Однако, и Ольга не бескорытна.

«Ольга миссионерка умеренная, уравновешенная. В ней не желание пострадать, а чувство долга. Для нее любовь есть жизнь, а жизнь есть долг. Миссия у нее скромная – разбудить спящую душу. Влюбилась она не в Обломова, а в свою мечту» (Анненский, 1882).

После коренного поворота в их отношениях, Обломов словно забывает все свои недавние переживания и снова впадает в апатию, отрешенность от всего мира и бездействие. Для него пропали все недавние стремления в высь, грандиозные планы и мечты о семейной жизни. Были ли эти рвения сильны, если малейший толчок вызвал непоправимое землетрясение в его душе, и всё стало на прежнюю колею? Неужели рядом с ним всегда должна находиться управляющая им сила, которая бы при малейшем затруднении направляла его на путь истинный? Это и есть основная трагедия романа и Обломова, как главного его героя. Может быть, несколько преувеличенно, но Иван Александрович всё же в точности изображает порок русского человека, будь он крестьянин, помещик или приближенный к императору. Почему без давления со стороны Илья Ильич не был способен самостоятельно налаживать свою жизнь, почему сам себе он хозяином не является? Обязательно должен быть кто-то сильнее или авторитетнее, чтобы жизнью и деяниями постороннего человека руководить как своими. Из этой иерархии силы и влияния и берет свое начало всеуничтожающая и поглощающая лень.

Если перенести данную модель поведения с конкретного человека на целое общество, то можно с легкостью найти обобщающие черты. Лениью заражены не только высшие чины или крупные помещики. Лениью заражены и крестьяне, и их дети. Но, казалось бы, как это возможно, когда они работают с утра до вечера не покладая рук, и дети их, и жены – все вовлечены в трудовой процесс. Однако, надо не забывать, что на низшей ступени общества они находятся не по своей воле, не ради тогда еще несуществующей идеологии, а насильно, только потому, что они дети и внуки таких же крестьян. И вырваться из такого заколдованного круга им еще долго не удастся. Крестьяне и сами не имели представления о своей глубинной, уже врожденной лени. Со времен образования системы помещик – крестьянин, барин – мужик, также начало формироваться угодничество власть имущим. Работали простые мужики не щадя себя только потому, что выхода у них другого не было, что они и рады бы изменить свою жизнь, да не получается. Уж слишком прочна система, именуемая крепостным

правом. Поэтому труд для них был исключительно малоприятной обязанностью, долгом их небарского происхождения.

Но что бы произошло с тем же самым мужиком, не будь над ним сильной руки, управляющей и подстегивающей крестьян? Так же усердно бы они продолжали работать не покладая рук, как и перед этим? Скорее всего, наступило бы новое смутное время, хаос и темнота. Помещик как явление, настолько сильно укоренился в сознании крестьян, что, не будь его, они бы просто растерялись, не знали бы, зачем им работать с прежней силой, зачем перетруждаться, когда нет угрозы свыше. Это и есть та, неведомая ими самими, глубокая лень. Это даже хуже лени, которая находится на поверхности, и с которой легче бороться. Эта же, иерархическая лень, усваивалась веками, передавалась из поколения в поколение.

Работающий подчиняется хозяину, столоначальник (чиновник 7-го класса) – более высшему чину. А в итоге – все подданные государя. Каждый должен был предоставлять отчет высшему лицу. Не будь этого, не было бы и системы, и самого государства Российского. История очень ясно показывает: для того чтобы было подчинение, необходимо иметь палку под рукой, розги и крепкий кулак. На протяжении многих веков, впредь до двадцатого века, сила являлась руководящим элементом. Еще в начале прошлого века в деревнях существовали физические наказания. Вот такими методами и выращивалась «обломовщина» в людях. Ведь, как известно, любая крайность очень быстро переходит в противоположную крайность. Взять, например, историю. За кровавым правлением Ивана Грозного последовала власть подневольного, мягкого, не по своему времени доброго, Фёдора Иоанновича. Народ к этому не привык, необходим ему был этот твердый кулак, сжимающий неповиновение. Иначе – была неуверенность в силе государства. Чем слабее был правитель, тем больше хаоса и анархии было вокруг. После Фёдора же пришло Смутное время.

И, главному герою одноименного романа как раз такого постоянного давления и не хватало. Крестьянская лень была бы вызвана отсутствием хозяина, господская же лень представляет собой неумение жить иначе. Крайне печально наблюдать, когда эти две лени сходятся – Обломов и Захар. Сравнивая Илью Ильича с другими, Захар тем самым намекает на обыкновенность своего барина, на изживающую себя систему.

Еще одной чертой обладает Обломов, далеко не редкой ни тогда, ни сейчас: мечтательность. Не смотря на это, его осуществившиеся планы можно сосчитать на пальцах одной руки. Много мысли и мало действия. Русская литература уже сталкивалась с подобным персонажем – Рудиным. Поэтому, явление это довольно распространенное. Может быть, и его истоки следует искать вне, в самой системе, их породившей? Существование цензуры, тайная полиция, внедренные в общество разведчики – все это непосредственно способствовало хранению собственных мыслей в тайнике – своем уме. Давление на русский народ со стороны властей, пресечение прогрессивных идей и нововведений, развивали мысль человека внутри. Испокон веков формировалось некое внутреннее сопротивление, приобретался инстинктивный иммунитет против давления сверху. Простые мужики не привыкли делать именно то, что от них требует барин, ему необходимо обязательно переосмыслить свою задачу, растолковать её по-своему (зачастую совершенно превратно), вложить в неё своё

исключительное толкование. Не это ли имел в виду Тютчев, говоря, что умом Россию не понять? Такое нежелание ездить по прямым рельсам, по строго предписанному маршруту, поиск извилистых проселочных дорог, ведущих иногда в тупик, бездорожье, – это и развивало в простом человеке естественную смекалку, умение думать иначе, не идти стандартными проторенными дорожками, постоянный поиск новых возможностей. Точно так маленькие дети поступают, осваивая новые предметы. Они учатся на своих же ошибках, которые им нередко причиняют даже физическую боль. Подобным образом и русский человек все хочет испытать на своей шкуре, убедиться, увидеть собственными глазами, прочувствовать, можно ли так впредь делать, или нет. В сознании его заложен некий внутренний голос, импульс, говорящий ему: мы сильные, мы выдержим, нам не привыкать, не впервой, и это переживем, где наша не пропадала.

Достоевский эту твердость понимает как результат воспитательной силы частых несчастий, как беспомощность властей в решении преступлений, когда виновники сразу казнились (Масарик, 1995). У каждого имелось свое собственное толкование действительности, мысли росли как грибы после дождя, являясь результатом расхода интересов между каким бы то ни было начальством и простыми исполнителями. Не от этого ли разного видения возникает всепоглощающая способность русского человека критиковать, нежелание ходить на поводу у правил и четко обозначенных законов? «Чуткость к добру соединена у русского человека с сатирическим направлением ума, со склонностью все критиковать» (Лумпова, 2002). Несмотря на внутреннее усовершенствование инакомыслия, реализовать свои идеи на практике не было никакой возможности. Мысль оказывалась в вакууме, где, с одной стороны, ограничение государством, а с другой – невозможность жаловаться этому государству на него же (да и хуже в конечном итоге от этого будет самому пожаловавшемуся). Однако, надо не забывать о правиле крайностей: чем больше давление извне, тем быстрее формируются отпорные настроения.

Над Обломовым же не было высшего лица, которому бы он был обязан подчиняться, а сам себе хозяином он был негодным. От этого и идет его разложение как человека. Воспитанный подобным избалованным образом, барчонком, на него бы и никакая идеология не повлияла. По гениально созданному Гончаровым типу можно больше уразуметь о человеке-помещике, о его слабых сторонах и дурных привычках.

Иван Александрович утверждает, что России нужна не рутинная работа, а настоящая, живая работа, чтобы победить старорусскую неподвижность. Корень зла на Руси – всеобщая несвобода, основывающаяся на рабстве и старом режиме как таковом (Масарик, 1995).

Но, как уже отмечалось выше, Русь – земля контрастов и, спустя пятьдесят восемь лет, те, кто некогда не имели ни прав, ни земли, ни голоса, стали всем, появилась новая иерархическая лестница – уравнительность. Теперь, казалось бы, труд добровольный, имеется идеология. Значит, и лень исчезнуть должна? Должна. А на её место не замедлит прийти спящая до этого безответственность. Именно она и возникает на основе всеобщей уравнительной системы. После Октябрьской Революции 1917-го года пришло время, когда государством могла управлять любая

домохозяйка. Всё частное теперь стало общественным, у которого хозяином были все одновременно. Поэтому, случись что, виноваты будут одновременно все и никто.

Таким образом, новый век привнес в сознание людей новый подвид лени. Всепоглощающая безответственность присутствует и в Обломове. Зачем ему перетруждать себя, зачем ломать голову над составлением сложнейших помещичьих планов? Ведь всё это за него может сделать кто-нибудь другой. А он барин, и не барское это дело, не обломовское.

Но, не смотря на это, Илья Ильич всё же склонен к улучшению, ему только необходима для этого сильная рука, которая бы не выпускала его из своих тисков до самого конца, до полного его исцеления от обломовского порока. Свидетельствует этому конец романа, где главный герой являет собой копию человека, встреченного нами с такой укоризной в начале произведения: он снова находится в совершеннейшем бездействии, успокоении, наслаждается тишиной и кофмортотом своей новой жизни, внутренне испытывает радость за отсутствие в ней всяких раздражающих его душу эмоций. Это оказывается для него конечным, фатальным умиротворением. Людей, имевших над ним некогда сильную власть, он больше не видит, всё реже о них вспоминает, да и не горит желанием снова испытать те переживания, возвания к подвигам, на которые они его толкали с целью вернуть к жизни.

Лень физическая и духовная губит еще не старого, далеко не глупого, способного человека. Илья не совладал со своим внутренним врагом, толкавшим его к усыплению всех человеческих чувств...

«Обломов и обломовщина: эти слова не даром облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи. Они разъяснили нам целый круг явлений современного нам общества, они поставили перед нами целый ряд идей, образов и подробностей, еще недавно нами не вполне осознанных, являвшихся нам как будто в тумане» (Дружинин, 1859).

Мы склонны больше к размышлениям, чем деланию чего-то конкретного. Почему и по сей день мы красивее баим, чем осуществляем? Не потому ли, что реализовать что-либо подчас бывает крайне сложно в силу могучего бюрократического аппарата? Иерархия бумажных инстанций и поднесь в цвете своих лет, распространяя свои щупальца на всю необъятную матушку Россию. И даже никакие бани Маяковского новый век перед нею не уберегли. Знание этого и понимание всей деревянности бюрократии русскими людьми, является прямым тормозом воплощения своих идей в жизнь. Поэтому, как не печально констатировать, чаще всего бывает так: сойдемся, побратаемся, умно и по душам поговорим, обсудим всё как есть, без всяких приукрашиваний, каждый внесет своё предложение (и не одно) по улучшению, пожалуемся друг другу на жизнь нелегкую и... разойдемся.

Чуткость к недостаткам реальной действительности порождает леность и пассивность – «обломовщину». Замысел часто бывает весьма ценным, однако чуткость к недочетам своей и чужой деятельности вызывает охлаждение к начатому делу у русского человека (Лумпова, 2002). И так планы эти ими же и останутся. И снова все храним в себе, ибо ведаем о закостенелости всей системы, которую способны расшевелить только столетия и революции.

А что, если не зря обломовские пороки присущи большинству людей, живших в 19 веке в России и сейчас? Нежелание быстрых перемен, неповоротливость, устаревшие взгляды на мир, отторжение подсознанием всего нового, сильно развитое критическое мышление – не это ли на протяжении веков позволяет России сохранять свою национальную уникальность, независимость во взглядах, культурную отличность от других стран? Народные обычаи и традиции до сих пор передаются из поколения в поколение, живут в устном народном творчестве, не рассеиваются в пространстве, не стираются в мультикультурном мире. Словно некий неосознаваемый нами занавес таится у нас в восприятии нового и западного. Нам гораздо проще оставить все как есть, жить по старинке, как мы привыкли, как уже испробовано нами (не так ли рассуждал и Обломов?). Никогда влияние других, чужих традиций в нас глубоко не укоренится, никогда чуждые нам веяния не смогут добраться до самой сути, до национального характера, до глубин менталитета. Всякое влияние может быть максимально поверхностным, преходящим. Нашей же медлительностью и негибкостью в плане перемен мы создаем свой иммунитет, защищая тем самым русскую самобытность, ограждая себя от сухости и чрезмерного рационализма запада. Да и невозможно нам себя загнать в строго поставленные рамки, делать то, что предписано. Эмоциональная неуправляемость себе этого не может позволить. Живя прежде всего чувствами, а не разумом, для нас нет ничего невозможного, теоретически возможно все, даже то, что не возможно. А главное – поступать зачастую не по велению разума, а от чистого сердца, проявляя при этом свободу души. Поэтому, исследовать с таким рвением, пробовать, ошибаться, помогать бескорыстно, в западном рационализме было бы нам слишком тесно. Не зря русский народ владеет такими огромными территориями: места хватит для всякого проявления смекалки и находчивости. Помимо этого необъятные просторы заставляют нас думать глобально, широко, поддерживают в нас постоянные духовные процессы, склоняют нас к мыслям о высоком, о смысле жизни и своем в ней предназначении. Мы склонны думать за все человечество, соединяем мудрость востока с разумом запада, впитывая в себя с обеих сторон то лучшее, нам необходимое.

Так, Достоевский говорит о способности русского народа понимать, вчувствоваться в другие народы, сочувствовать и сопереживать ближнему, о том, что он является носителем духовности (Масарик, 1995).

Однако, халатность и безответственность как были проблемой, так ей и остаются. Делаем мы либо всё, либо ничего, так как известно, что полутоны нам не знакомы: либо белое, либо черное. Задача каждого человека, чтобы делать лучше то *всё*, причем, для своего же блага. Правильно когда-то заметил М. А. Булгаков, что разуха находится у нас в голове. То есть, в силах каждого направить свою жизнь в нужное русло.

Два проклятых вопроса, сопровождающих жизнь русскую и каждого человека: Что делать? и Кто виноват? и по сей день врываются в наше сознание, не находя лаконичного и вразумительного ответа.

Изначальные виновники уже века почивают в истории, сопровождая нас в менталитете. А на вопрос «что делать?» ответу: начинать с себя, с реставрации своей негибкости, развития своего критического мышления, неподчинения общим порокам,

как можно реже полагаться на авось, который далеко нас не заведет (авось пройдет, авось пропадем...).

За малым обязательно последует большее, плодотворное. Первый шаг по искоренению проблемы – её осознание.

«Гончаров не выдает всей своей глубины поверхностному наблюдателю. Но, он является глубже и глубже с каждым внимательным взглядом, ставит перед нашими глазами целую жизнь данной сферы, данной эпохи и данного общества – для того, чтоб навсегда остаться в истории искусства и освещать ярким светом моменты действительности, им уловленной» (Дружинин, 1859).

Старый уклад жизни должен совещаться с новыми требованиями времени, консерватизм должен нести не застой, а ценности прошлого, ведя нас мудро по настоящему.

150-летию романа посвящается

Использованная литература:

- Анненский, И. Ф.: «Гончаров и его Обломов», 1882;
Гончаров, И. А.: «Обломов», 1859.
Добролюбов, Н. А.: «Что такое обломовщина?». In: Русская литературная критика XIX века, 2007, «ЭКСМО» Москва, с. 134-173.
Дружинин, А. В.: «Обломов. Роман И. А. Гончарова», 1859;
Лумпова, С. М. «Н. О. Лосский о русском характере». In: София: Рукописный журнал
Масарик, Т. Г.: «Россия и Европа. II том». Praha 1995–96.
Общества ревнителей русской философии 2002, № 5, <http://virlib.eunnet.net/sofia/05-2002/text/0515.html>
In: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0420.shtml
In: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml

Место аллюзии в постмодернизме на примере романа В. Пелевина "Священная книга оборотня"

Юлия Гапоненкова

Карлов Университет в Праге

Данная тема мною выбрана не случайно - как известно, в настоящее время основным течением как в литературе, так и во всех областях нашей жизни, является постмодернизм. А аллюзия в свою очередь принадлежит к одним из главных его приёмов. Для начала, давайте вспомним, в чем заключается суть течения постмодернизма.

Постмодернизм основывается на концепции, что кроме разума, правды и объективности, существуют и другие способы восприятия действительности, такие как эмоции и интуиция. Постмодернисты утверждают, что не существует единой вселенской истины - истин бесконечно много, ибо у каждого истина своя. Поэтому они видят мир разнообразным, непостоянным, непрестанно меняющимся. Такое восприятие пестроты несёт в себе и другой смысл, а именно ироничное отношение постмодернистов ко всему упорядоченному и логичному. Постмодернисты играют со стилями и мотивами, черпая своё вдохновение в стилях ушедших лет, с целью „отвергнуть или осмеять определённые страницы эпохи модерна“ (Grenz 1997, 29).

Поэтому одним из важнейших приёмов, который постмодернисты используют и по сей день, является обращение к более ранним стилям, культурам и авторам. Прочитав некоторые произведения постмодернистов, мы сможем найти огромное множество цитат, перифраз, намёков на различные литературные, исторические или социальные факты, которые стилисты объединяют под понятие „интертекстуальность“, особым случаем которой является аллюзия.

Аллюзия (лат. *allusio* — шутка, намёк) — стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи (Wikipedia [online]).

Произведения постмодернистов буквально изобилуют аллюзиями того или иного типа. Текст, содержащий аллюзию, называется текст-реципиент, а в основе аллюзии лежит некий текст-первоисточник, называемый денотатом аллюзии (Новохачёва [online]). Сам процесс восприятия и оценивания аллюзии был бы невозможен без отчётливой или скрытой подсказки для читателя. Такую подсказку, указывающую на текст-первоисточник, лингвисты называют маркер, или репрезентант. Функция этого элемента „состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам“ (Новохачёва [online]).

Лингвист Новохачёва, занимающаяся исследованием аллюзивных конструкций в публицистике, выделяет несколько типов маркеров (Новохачёва [online]):

- 1) **графические** - сходство в графическом оформлении аллюзии и первоисточника (слова, словосочетания, предикативные основы, предложения);
- 2) **фонетические** - рифмование некоторых элементов аллюзии с соответствующими элементами денотата;
- 3) **корневые** - сходные корневые морфемы;
- 4) **грамматические** - определённые морфологические формы (рода, вида, времени) первоисточника, которые не соблюдаются в аллюзии;
- 5) **структурно-синтаксические** - параллельные синтаксические конструкции.

К примеру, пелевинская фраза „В аду родилась ёлочка“, указывающая на детскую песню „В лесу родилась ёлочка“, содержит структурно-синтаксический маркер.

Известный филолог А. А. Потебня пришёл к выводу, что важнейшей частью понятия аллюзии является некая связь между аллюзией и реципиентом (в случае художественной литературы - читателем). Аллюзия непременно должна быть направлена на читателя. Потебня заметил, что условие уместности аллюзии „заключается в том, чтобы она и для говорящего и для слушающего была понятна“ (Потебня 1947, 226). Для того, чтобы читатель имел определённое понятие о предмете аллюзии, он должен обладать багажом знаний для её декодирования, особенно учитывая тот факт, что аллюзии в современной литературе обычно не дополняются сносками и разъяснениями, никак не выделяются в тексте.

Если в произведениях, предшествующих постмодернизму, будь то античная поэма или творчество соцреалиста, авторы не могли и представить себе присвоение чужих высказываний, мыслей, духовных открытий без упоминания источника, то творения постмодернистов пестрят цитатами и ссылками на тексты других авторов, не называя их.

Причём необходимо отметить, что художественные произведения в стиле постмодернизма содержат указания не только на общеизвестные литературные или исторические явления, но также и на явления более поверхностные и частные (Дронова [onilne]). В век информационных технологий, писатели, стирая границы между массовым и элитарным искусством, всё больше используют аллюзии низшего характера, к которым принадлежат популярные песни, кинофильмы, компьютерные игры, рекламные слоганы, факты из жизни кумиров публики, а также достаточно индивидуальные знания, к примеру, об арготе, видах наркотиков, которые сегодня являются весьма популярной темой у постмодернистов и т.д.

Поэтому для раскрытия аллюзий необходимо знать весь круг соответствующей культуры, которой принадлежат автор и читатель (Виноградов [onilne]). Это высказывание в свою очередь тесно связано с понятием из области семантики, а именно с пресуппозицией. Снова возникает необходимость привести дефиницию: „Пресуппозиция (от лат. *prae* — впереди, перед и *suppositio* — подкладывание, заклад), термин лингвистической семантики; необходимый семантический компонент, обеспечивающий наличие смысла в утверждении“

(Wikipedia [online]). Другими словами, пресуппозицию мы можем понимать именно как некий багаж знаний, который был накоплен до момента образования определённого высказывания. Таким образом, мы можем сделать вывод, что восприятие и декодирование межтекстового намёка напрямую связано с той культурно-социальной средой, в которой находятся автор и читатель. Бытует мнение, что люди, принадлежащие к одному обществу, имеют практически одинаковый запас знаний, но как отмечает преподаватель кафедры английской филологии Воронежского Государственного Университета Е. М. Дронова, на формирование культурных знаний оказывает влияние множество факторов, к примеру факторы образовательные, социальные, территориальные, возрастные, гендерные, профессиональные (Дронова [online]). В зависимости от характера деятельности читателя, его возраста и интересов меняется и багаж его или её знаний, а так и способность декодировать аллюзию того или иного типа.

В своей работе Новохачёва составляет тематическую классификацию литературных аллюзий, выделяя следующие классы (Новохачёва [online]):

- 1) литературно-художественная аллюзия;
- 2) фольклорная;
- 3) кинематографическая;
- 4) песенная;
- 5) газетно-публицистическая;
- 6) крылатая;
- 7) официально-деловая;
- 8) интермедийная;
- 9) библеизм/религиозная;
- 10) научная.

Все данные типы литературных аллюзий являются стандартными элементами постмодернистского текста.

Более подробно я бы хотела рассмотреть проблематику аллюзивных конструкций на примере романа Виктора Пелевина "Священная книга оборотня". Данного автора я выбрала потому, что он сыграл особо значимую роль в литературной жизни России 90х лет прошлого века. Дело в том, что, как вам известно, начало 90х годов XX столетия ознаменовалось политическим переломом, отменой цензуры и, как следствие, переходом русской литературы на новый уникальный уровень. После бума заинтересованности читателя массовой литературой (в основном, женскими детективами А. Марининой, Д. Данцовой, Т. Устиновой и других (Bořuchin – Řehořiková 2007, 5)) пришёл черёд авторов, чьи произведения представляют собой сложную границу между эстетически ценной, „высокой“ литературой и литературой тривиальной, „массовой“.

Итак, роман Пелевина - это магическо-реалистическая смесь событий в духе постмодернизма. Главная героиня романа - это А Хули, лиса-оборотень китайского происхождения, которая последние несколько столетий живёт в России и зарабатывает на жизнь древнейшей профессией, но не реально, а лишь мистически. Лиса, в силу, возможно, своего внушительного возраста, 2000 лет, принадлежит к кругам интеллектуалов. Пелевин, афишируя свою и лисью эрудицию, упоминает в романе

достаточно широкий круг философов, писателей, политдеятелей и учёных; аллюзируются известные песни, фильмы, полотна известных художников и т.д. В целом, в книге, по моим подсчётам, употребляется более 150 аллюзивных конструкций различных типов. Позвольте мне дополнить мое повествование некоторыми примерами из романа.

Все аллюзии так называемого "высшего уровня" я разделила на 3 части:

1. **Аллюзии на писателей, их произведения и героев**
2. **Известные исторические, политические и прочие личности**
3. **Музыка, кино, изобразительное искусство;**

Как видно из первой части таблицы, Пелевин в своем романе ссылается или же просто упоминает не только русских и зарубежных представителей классики от Байрона до Набокова, но героев и сказок и былин, авторов восточной философии, мало известных широкой публике. Он также ссылается на произведения по психологии, экономике, буддизму и т. д.

Что же касается аллюзий из второй части таблицы: здесь Пелевин аллюзирует на обширный круг личностей от древнеиндийских богов и китайских философов по Монику Ливински и Романа Абрамовича.

В третьей части собраны аллюзии на кинофильмы, популярные и не очень песни, а также на полотна известных художников.

Часть I. Аллюзии на писателей, их произведения и героев

4 - А. Блок, „Скифы“; 52 – „Соловьиный сад“	155 - Шарль Перро, „Красная Шапочка“
6 - В.В.Набоков, „Лолита“; 60 – „Парижская поэма“	157 - Марсель Пруст
10 - Сунь-уКун, „Путешествие на Запад“	157 - Джеймс Джойс
11 - Гань Бао, „Записки о поисках духов“	171 - Патрик Зюскинд, „Парфюмер“ (?)
29 - Стивен Хоукинг, „Краткая история времени“; 316 – „Теория всего“	188 - цитата лорда Байрона – “everybody has his skeleton in the closet“
30 - Стивен Кинг	202 - Ф. Фукуяма, „Конец истории и последний человек“
40 - Жан-Жак Руссо	216 - Максимилиан Волошин
42 - Мюнхаузен	216 – М. Булгаков, „Собачье сердце“, Шариков
53 - Ходасевич, „Тяжелая лира“	223 - стихи „Я не дал бы ему и пятнадцати лет...“
56 - Джозеф Стиглиц, “Globalization and its Discontents“	238 – „Крошечка-Хаврошечка“ и „Золушка“
62 – Достоевский	250 - Пушкин и Дантес
68 - Шекспир, „Сон в летнюю ночь“; 233 – „Гамлет“	265 - З. Фрейд, „Психопатология обыденной жизни“
82 – Маяковский	266 – „Сутра Сердца“ - первоисточник буддизма Махаяны.
87 - Пушкин, „Медный всадник“	268 - М. Ю. Лермонтов
88 - Андрей Белый	269 - И. А. Бунин
92 - Л. Н. Толстой; 16 – „Крейцера соната“	274 - Анри-Мари Стендаль - французский писатель

104 – Солженицын	274 - Гомер - античный автор
107 - Данте, „Божественная комедия“	274 - Еврипид - древнегреческий драматург
112 - Марина Цветаева, „Поэма Конца“	274 - Оскар Уальд - английский писатель
120 - Аксаков, „Сказка об аленьком цветочке“	296 - Священное Писание
135 - Хорхе Борхес, „Рагнарёк“	314 - Ли Бо, „Луна под горной заставой“
136 – „Старшая Эдда“ - стихотворный сборник мифов Скандинавии	317 - Камилл Палья
147 - W. H. Auden	354 – Татарский, „Поколение П“
154 - Карабас Барабас, „Золотой Ключик“, А. Н. Толстой	370 - Martin Wolf, “Why Globalization Works“

Часть II. Известные исторические, политические и прочие личности

5 - Пелдис Шарм = Валдис Пельш - телеведущий, шоумен	134 - Фенрир - мифологический волк
8 - Л. Витгенштейн - австро-английский философ	134 - Локи - дух огня в германо-скандинавской мифологии
19 - Гуру Грантх Сахиб - гуру священной книги сикхской религии	134 - Шварцнеггер - американский актёр, губернатор Калифорнии
21 - Че Гевара - кубинский революционер	146 - И. В. Сталин - советский партийный и государственный деятель
38 - Минамото Мусаси - японский фехтовальщик	146 - Билл Гейтс - основатель компании Майкрософт
45 - Айседора Дункан - американская танцовщица	146 - Бен Ладен - лидер Аль-Каиды
45 - Феликс Эдмундович Дзержинский - деятель революционного движения в СССР	149 – „Армия Махди“ - шиитские вооружённые полувоенные отряды, созданные иракским лидером Муктадой ас-Садром
45 - Богиня Кали	192 - Жан-Поль Сарт - французский философ, писатель, драматург и эссеист
56 - Чингисхан - монгольский хан	199 - Алистер Кроули - мистик и маг XIX—XX века
56 - Адольф Гитлер - немецкий фюрер	200 - И. Кант - представитель немецкой классической философии
81 - Билл Клинтон и его лозунг “It's the economy, stupid!”	215 - Гермес Трисмегист - Гермес Триждывеличайший — имя синкретического божества
95 - Конфуций - китайский мыслитель и философ	217 - Богиня Иштар
98 - Ленин, Маркс и серп с молотом	219 - Мартин Хайдеггер - немецкий философ-экзистенциалист
99 - Мао Цзедун - председатель коммунистической партии Китая	254 - Мария Магдалина - персонаж Нового Завета, христианская святая
100 - Освальд Шпенглер - немецкий философ и культуролог	259 - Беркли - англо-ирландский философ
102 - Иван Грозный - русский царь	259 - Озирис - умирающий и воскресающий бог древнего Египта
106 - Роман Абрамович - русский олигарх	259 - Митра - бог договоров и дружбы
111 - Будда - в буддизме человек, достигший просветления	259 - Дэвид Юм - шотландский философ
112 - Адам - первый человек	259 - Жан Бодрийяр - французский философ
133 - Моника Левински - стажерка Белого дома	304 - Поль-Мишель Фуко - французский философ

306 - Гиппократ - древнегреческий врач	335 - Сунь Цзы - китайский стратег и мыслитель
313 - Павлик Морозов - пионер-герой	357 - А. Эйнштейн - немецкий учёный
333 - Цинь Шихуань - китайский император	

Часть III. Музыка, кино, изобразительное искусство

6 - Alphaville, „Forever Zouny“ (песня)	226 – „Сумрак вечерний уж пал на поля“ (песня)
16 - Шопен, „Капли дождя“ (прелюдия)	243 - Shocking Blue, „I'll follow the sun“ (песня)
16 – „Moonraker“, Джеймс Бонд (к/ф)	259 - П. Брейгель, „Вавилонская башня“ (картина)
24 - ТАТУ, „Я сошла с ума...“ (песня)	265 - Пикассо, „Старый еврей и мальчик“ (картина)
47 - Бритни Спирс - поп-певица	267 – „Касабланка“ (к/ф)
53 – „В лесу родилась ёлочка“ (песня)	270 - Лукино Висконти, „Смерть в Венеции“, „Семейный портрет в интерьере“ (к/ф)
68 - Мэл Гибсон – актёр	271 - Такеши Китано - режиссёр
77 – „Властелин Колец“ (к/ф)	271 – „Унесённые ветром“ (к/ф)
112 - Р. Вагнер, „Полёт Валькирий“; 138 – „Кольцо Нибелунгов. Гибель Богов“ (опера)	271 – „Малхолланд Драйв“ (к/ф)
131 - Квентин Тарантино – режиссёр Роберт де Ниро – актёр	271 – „Dreamcatcher“ (к/ф)
140 - Земфира, „До свиданья“ (песня)	272 - Киану Ривз - актёр
158 – „Джоконда“ (картина)	273 – „Midnight dancers“ (к/ф)
170 - Майкл Джексон - поп-певец	273 – „Sex Life in LA“ (к/ф)
179 – „Титаник“ (к/ф)	273 – „Versace Murder“ (к/ф)
180 – „Un Hombre“ (песня)	273 – „Ромео и Джульетта“ (к/ф)
198 - Мик Джаггер - музыкант	310 - Вонг Карвай, „Любовное настроение“ (к/ф)
208 - Дэвид Боуи – певец	312 – „Мальчик хочет в Тамбов“ (песня)
208 - Пет Шоп Бойз - музыкальная группа	313 - Nat King Cole, „Quizas, quizas, quizas“ (песня)
225 – „Матрица“ (к/ф)	341 - К. Малевич, „Чёрный квадрат“ (картина)

Кроме столь широкого спектра известных личностей и их произведений, автор упоминает и вполне обыденные вещи, такие как марки машин (Ягуар (16); Бокстер (107); Хаммер (150)), названия ставших уже классикой компьютерных игр (Final Fantasy (88); Splinter Cell (144)) и названия, связанные с компьютерной техникой (Google (53); Vaio (116); Power Point (200); Microsoft (200) и др.), торговые марки (Zegna (27); Tiffany (93); Diesel (99); Sony (116); Gucci (152); Marlboro (155); Comopolitan (173); Earl Grey (222); Nike (369) и др.), а также виды наркотических средств, без которых, по традиции, не обходится ни одно пелевинское произведение (кетамин, кокаин, ЛСД). Компьютерные технологии, интернет, наркотики, политика, экономика, Дзен-буддизм и, конечно же, философия - эти вопросы затрагивает в своём романе Пелевин, дерзко, но умело описывая окружающую нас действительность.

Безусловно, вышеизложенный список аллюзий не является конечным. Так как Виктора Пелевина считают автором интеллектуальным и высоко-эрудированным, то загадок в его произведениях предостаточно. В своём анализе я постаралась упомянуть большую часть аллюзий, однако с уверенностью могу утверждать, что читатели смогут найти следующие.

Использованная литература:

- Grenz, S. J.: *Úvod do postmodernismu*. Praha: Návrat domů, 1997, S. 29.
- WIKIPEDIA. [online]. [cit. 13.11.2008]. Dostupné na WWW: <www.wikipedia.org/wiki>.
- Новохачёва, Н.: *Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX- начала XXI веков*. [online]. [cit. 30.11.2008]. Dostupné na WWW: <http://orel3.rsl.ru/dissert/EBD_837A_novohachevaNU.pdf>.
- Потебня, А.: *Из записок по теории словесности*. Харьков, 1947.
- Дронова, Е.: *Известность аллюзивного факта как социально-обусловленный критерий идентификации стилистического приема аллюзии*. [online]. [cit. 13.11.2008]. Dostupné na WWW: <<http://tp11999.narod.ru/WEBLSE2006/DronovaLSE2006.htm>>.
- Виноградов, В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. In: ДРОНОВА, Е.: *Известность аллюзивного факта как социально-обусловленный критерий идентификации стилистического приема аллюзии*. [online]. [cit. 13.11.2008]. Dostupné na WWW: <<http://tp11999.narod.ru/WEBLSE2006/DronovaLSE2006.htm>>.
- Bolšuchin, L., Řehořiková, L.: *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007.
- Пелевин, В.: *Священная книга оборотня*. Москва: Эксмо, 2004.

Цветы в системе образности Ф. И. Тютчева и А. А. Фета

Андреа Габурова

Университет им. Я. А. Коменского, Братислава

Знаменитые русские поэты XIX в., Ф. И. Тютчев и А. А. Фет – замечательные певцы природы, которые писали о природе так, как не умел этого делать никто. Они умели создать перед глазами читателя картины чудесной русской природы, которая дышит, которая живет. Природа является одним из основных объектов их художественного переживания. Неотъемлемой ее частью является флора.

Флору в лирике обоих авторов представляют кроме деревьев и разных трав прежде всего цветы. Интересно отметить, что, например, цветы, попавшие в поле зрения Тютчева, изображаются поэтом не детализированно и что в его стихах очень редко встречаются их конкретные названия. Их сравнительно немного: роза, сирень, черемуха, миндаль, лилия, гвоздика или яблоня – вот практически и все.

Чаще всего поэт восхищается **розой**. Она в его стихах упоминается в самых разных смысловых контекстах, в прямом значении, как в стихотворении *Весна*:

«Как в полном, пламенном расцвете, / При первом утра юном свете, /
Блистают **розы** и горят...»

(Ф. И. Тютчев 1965, с. 28),

и в переносном значении, например, в качестве яркой метафоры, как в стихотворении *Уrania*:

«...где вечны **розы** чистых наслаждений, / Вечно юн Поэзии венки!..»

(Ф. И. Тютчев 1965, с. 17).

Розы Тютчева – это важнейшие элементы весны, благополучия, радости и восторга в жизни лирического героя. Но вместе с тем они могут способствовать и внесению в эти счастливые ноты мотивов грусти, слез, даже умирания. Тревожным ожиданием звучит, например, стих: «с цветущих персей запах **роз** уводит» (Ф. И. Тютчев 1965, с. 74), в стихотворении *Байрон* (отрывок *Из Цедлица*), говорящем о скитальческой жизни лорда Байрона. Розы «туманятся», когда при расставании влюбленных навсегда по лицу любимой женщины стекают слезы.

Природа таит под собой разрушение, смерть и в стихотворении *Mal'aria*:

«Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Все тот же теплый ветер верхи деревьев колышет,
Все тот же запах **роз**, и это все – есть Смерть!..»

(Ф.И. Тютчев 1957, с. 34).

В поэзии Тютчева розе в некоторых случаях сопутствует **гвоздика**. С этими двумя цветами встречаемся и в стихотворениях *Игра в прятки* и *Мечта*. В первом выражено радостное состояние, подъем настроения, потому что оно написано после женитьбы поэта на графине Элеоноре Ботмер. Французская *Мечта* – стихотворение, где главными героями являются Тютчев и его вторая жена, баронесса Пфедфель, и где гвоздика вместе с розой способствуют усилению чувства взаимопонимания и счастья:

«Рука отыщет и возьмет оттуда / Два высохших и хрупких стебелька /
И ты увидишь сбывшееся чудо – / Как расцветают в пальцах два цветка.

/

Ах, два цветка! На них блестели росы, / И мы ловили много лет назад /
Благоуханье этой алой **розы**, / Сверкающий **гвоздики** аромат»

(Ф. И. Тютчев 1965, с. 414).

В последних двух стихах намечено, что для Тютчева главный не внешний вид или цвет роз и гвоздик, а благоухание, аромат. К лирическим шедеврам Тютчева несомненно относятся стихотворения *Как сладко дремлет сад темно-зеленый...* и *Я помню время золотое...*, написанные в 30-е годы.

В первом стихотворении сквозь «яблони, цветами убеленной» поэт передал нечто загадочное и незримое в «хаосе ночном» в момент отсутствия человека, который тогда спит:

«Как сладко дремлет **сад** темно-зеленый, / Объятый негой ночи голубой, /

Сквозь **яблони**, **цветами** убеленной, / Как сладко светит месяц золотой!...»

(Ф. И. Тютчев 1965, с. 74).

Необыкновенной атмосферой дышит сад, где белизна цветов яблони контрастирует с темнотой ночи и как бы сближает с этой точки зрения землю с небом (контраст «звездного сонма» с «бездонным небом»).

Стихотворение *Я помню время золотое* – о трогательных чувствах Тютчева к юной баронессе Амалии Крюденер. Оно представляет собой отрывок из его жизни, сладкий момент, который он передал:

«И ветер тихий мимолетом / Твоей одеждою играл /

И с диких **яблонь** цвет за цветом / На плечи юные свесал»

(Ф. И. Тютчев 1965, с. 56).

Но цветы и их приятный аромат сопровождают поэта и в минуты его восхищения более «субстанциальными» аспектами человеческой жизни – в минуты его восхищения красотой земного бытия:

«Весь день в бездействии глубоком / Весенний, теплый воздух пить, /
На небе чистом и высоком / Порою облака следить, /
Бродить без дела и без цели / И ненароком, на лету, /
Набрести на свежий дух **синели** / Или на светлую мечту?..»

(Ф. И. Тютчев 1965, с. 73).

Тютчев, как упоминали в своих воспоминаниях его современники, очень любил цветы. Известно также, что он часто дарил их родным и близким по торжествам и юбилеям. Ими передавалось все, что в нем происходило.

В поэзии Фета с цветами встречаемся чаще, чем в поэзии Тютчева; и их реестр у него более пестрый, хотя, как и Тютчев, большое внимание он уделяет розе. Е. А. Круглова сравнивая символику розы в русской и немецкой поэзии, приходит к выводу, что «Фет создает в своей лирике новую мифологию розы, отмеченную национальным началом» (Е. А. Круглова, 2003). В лирических стихах разного времени Фет чаще всего обращается к царице цветов **розе**, символизирующей для него не только красоту, а также благовонный, благодатный мир любви и никакая богиня не может сказать земле того, что говорит ей тот цветок (А. А. Фет 1986, с. 57). Этот образ присутствует в таких стихотворениях, как *Две розы*, *Роза и соловей*, *Дул север. Плакала трава...*, *Осенняя роза*, *Ребенку*, *Сентябрьская роза*, *Роза и месяц* и др.

В стихотворении *Соловей и роза* Фет обращается к вечному мотиву любви соловья и розы, издавна известному как в восточной, так и в западной поэтической традиции. Л. Розенблум констатирует, что «любовь – великая сила, способная творить красоту. До поры невидимая, эта красота при божественном участии открывается миру. И «безгласная серая птичка» превращается в соловья, а на ветке колючего кустарника расцветает роза:

И нежному ангелу стало / Их видеть так грустно и больно, /
Что с неба слезу огневую / На них уронил он невольно.
И к утру свершилось чудо...» (Л. Розенблум, 2003).

Хотя в этом стихотворении любящиеся осуждены на вечную разлуку:

Она:

«Ты поешь, когда дремлю я, / Я цвету, когда ты спишь, /
Я горю без поцелуя, / Без ответа ты грустишь.»

Он:

«Дева-роза, доброй ночи! / Звезды в небесах. /
Сон подкрался незаметно... / Роза, спать пора!»

(А. А. Фет 1986, с. 107),

их любовь осталась в лирике Фета символом любовной темы, где неразделимы красота, счастье, но и страдание.

Образ розы присутствует и в стихотворениях *Осенняя роза* и *Сентябрьская роза*. В обоих произведениях роза является символом жизни, так как только она одна

цветет, когда остальной растительный мир увял. В первом случае роза благоухает и во время морозов:

«Но в дуновении мороза / Между погибшими одна, /
Лишь ты одна, царица роза, / Благоуханна и пышна» (А. А. Фет 1986, с. 132).

В *Сентябрьской розе* роза цветет несмотря на то, что остальная растительность осталась без листвы:

«<...>В давно безлиственных кустах / Как дерзко выступать царицей /
С приветом вешним на устах. / Расцвести в надежде неуклонной - /
С холодной разлучась грядой, / Прильнуть последней, опьяненной /
К груди хозяйки молодой!» (А. А. Фет 1986, с. 133).

Контраст жизни и смерти у Фета подтверждается и тем фактом, что в стихотворении *Сентябрьская роза* поэт первоначально употребил словосочетание «мертвенная гряда» и лишь позже, по совету друга заменил его на словосочетание «холодная гряда» (Л. В. Чернец, 2009).

Семантика розы в лирике Фета объемна и подвижна. Стихотворением *Если радует утро тебя* можно завершить образ розы у поэта, в котором меняется ее суть:

«Хоть полюбишь кого, хоть снесешь / Не одну ты душевную грозу, – /
Но в стихе умиленном найдешь / Эту вечно душистую розу»
(А. А. Фет 1989, с. 240).

В этом случае роза не представляет собой уже заместительницу женщины-красавицы, а поэзию, которой человек может всегда восхищаться, это «цветок», который никогда не увядает.

Но кроме роз в стихах Фета встречается пестрый набор других цветов, как например, фиалка, тюльпан, лилия, незабудка, гиацинт, гербера и т.д. В некоторых стихотворениях поэт сравнивает красоту цветка с красотой женского тела. Например, в стихотворении *Купальщица* женское тело он сравнивает с телом лилии:

«Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листья у **лилии** стыдливой» (А. А. Фет 1986, с. 276).

В стихотворениях «на случай» цветы предстают у Фета как самостоятельно существующий букет, сохраняющий конкретику цветка, но соотносимый с обстоятельствами дарения. Характерными примерами таких стихотворений можно считать обращение к *Графине А. А. Олсуфьевой, при получении от нее гиацинтов*, где свежие нарядные гиацинты заостряют трагический контраст молодости, красоты

и свежести дарительницы и поэта, «больного старика»; или *Б(р)жески*м, при получении цветов и нот, в котором гвоздики становятся основной составной частью двойного дара (нот и цветов).

Как особый случай в лирике Фета можно рассматривать стихотворения *Первый ландыш* и *Георгины*. Они интересны с точки зрения присутствия в них связи цветов с временами года (ландыш – расцвет весны, георгина – позднее цветение осени), а также потому, что цветы в них предстают двойниками-заместителями женщин. **Ландыш** традиционно ассоциировался с юностью, первым чувством, надеждой на счастье, и у Фета он сохраняет все эти ореолы, становясь метафорой юной героини. Главной темой этого стихотворения становится переход: в прямом значении – от весны к лету, в переносном значении – от чистоты невежества к страсти.

Из нашего анализа роли и значения цветов как компонента образной системы поэзии Фета и Тютчева вытекает, что этот мотив играет более важную роль у Фета, чем у Тютчева. Оба автора являются замечательными певцами природы; оба они очень часто упоминают цветы, деревья, кустарники, травы, но каждый по-другому. Фет более конкретен, что отразилось и в конкретных и многочисленных названиях цветов. У Тютчева тоже находим пестрый колорит растений, хотя из цветов он уделяет внимание прежде всего розе. Но в преобладающем большинстве случаев доминирует в его стихах только общее понятие «цвет / цветы». То же самое можно констатировать при деревьях, кустарниках и травах. Это вероятно вытекает из его философской, обобщающей ориентации лирики. На выбор стихов в статье повлиял факт, что мотивы отдельных цветов в них организуют все стихотворения в целом. Другие цветы, в стихах только упомянуты, не брались во внимание. Важной чертой изображения цветов и других растений в творчестве обоих авторов является олицетворение. Этот вид метафоры позволяет, например, Тютчеву с потрясающей силой передать мятежные состояния, выразить бунтарскую стихию человеческой души, ее подсознательную связь с космическим хаосом и ее стремление к преодолению этого «ночного», темного элемента, к возобновлению гармонического сосуществования с природой. Стихи Фета можно до определенной степени считать опытом систематизации традиционных мотивов и попыткой создания новой мифологии при обращении к изображению цветов, культурой только осваиваемых. Таким образом, поэтический «цветник» Фета можно рассматривать как завершающий этап эволюции флоросемантики в русской классической поэзии.

Использованная литература:

- ЗАЛЕСОВА Е. Н. – ПЕТРОВСКАЯ, О. В. *Полный русский словарь - травник и цветник*. 3 т. Санкт-Петербург, 1900.
- КРУГЛОВА, Е. А. Символика розы в русской и немецкой поэзии конца XVII - начала XX века 2003. In: ШАРАФАДИНА, К. И. 2008. *Обновление традиций флоропоэтики в лирике А Фета*. [online] 2008 [cit. 2010-4-20] Доступно в интернете: http://literary.ru/literary.ru/show_archives.php?subaction=showfull&id=1203427472&archive=1203491298&start_from=&ucat=&category=1

- РОЗЕНБЛЮМ, Л. А. *Фет и эстетика «чистого искусства»*. In: Вопросы литературы, 2. [online] 2003 [cit. 2010-4-19] Доступно в интернете:
<http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/ros-pr.html>
- ТЮТЧЕВ, Ф. И. *Лирика I*. Москва: Наука, 1965. 447 с.
- ТЮТЧЕВ, Ф. И. *Лирика II*. Москва: Наука, 1965. 511 с.
- ТЮТЧЕВ, Ф. И. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1957. 422 с.
- ФЕТ, А. А. *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Советский писатель, 1986. 751 с.
- ФЕТ, А. А. *Был чудный майский день в Москве... Стихи. Поэмы. Страницы прозы и воспоминаний. Письма*. Москва: Московский рабочий, 1989. 400 с.
- ЧЕРНЕЦ, Л. В. О литературных друзьях А.А.Фета. К проблеме поэтического языка. In: Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». [online] 2009 [cit. 2010-4-19] Доступно в интернете:
<http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&raz=6&pod=1&par=17>

Трансформация образа дома в романном творчестве Л.Улицкой

Наталья Шведюк

Университет им. Палацкого в Оломоуце

По мнению М. А. Черняк, центральным мотивом романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» является мотив дома (Черняк 2004,173). В нашей работе мы попытаемся несколько разграничить понятия образа и мотива, но следует оговориться, что трактовка данных понятий в большей степени зависит от угла зрения на проблему.

В литературно-энциклопедическом словаре под редакцией В. М. Кожевникова и П. А. Николаева подчеркивается, что образ нагляден, не разлагает явления на отвлеченно-рассудочные составляющие, но сохраняет чувственную целостность и неповторимость. При этом по смысловой обобщенности образы делятся на индивидуальные, характерные, типические, образы-мотивы, топосы, архетипы. (Литературно-энциклопедический словарь 1987, 230).

Мотив – устойчивый формально- содержательный компонент литературного текста. Мотив более прямо, чем другие компоненты художественной формы, соотносится с миром авторских мыслей и чувств, но в отличие от них лишен относительно самостоятельной образности, эстетической завершенности, только в процессе конкретного анализа движения мотивов, в выявлении устойчивости и индивидуальности его смыслового наполнения он обретает свое художественное значение и ценность. Более строгое значение термин мотив получает тогда, когда он содержит элементы символизации (Литературно-энциклопедический словарь 1987, 231).

Дом, представленный в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети», очень сложно закрепить за тем или иным понятием. Отметим тот факт, что дом в романе очень нагляден, «прорисован» в мельчайших подробностях, что позволяет нам говорить о создании образа. Кроме того, дом воплощает в себе представления, созданные народом за всю его многовековую историю. С домом связаны многочисленные ситуации и сюжеты, встречающиеся в мировой литературе, что позволяет нам с некоторой долей вероятности отнести дом в романе «Медея и ее дети» к образам-архетипам.

Образ дома символичен в романе. С первых же страниц романа автор отсылает нас к истокам жизни главной героини – Медеи Синопли, а именно к ее дому. Улицкая говорит о Медее: «Родом она была из Феодосии, вернее, из огромного, некогда стройного дома в греческой колонии, давно слившейся с феодосийской окраиной. Ко времени её рождения дом потерял изначальную стройность, разросся пристройками, террасами и верандами...» (Улицкая, 2006, 12). Автор подчёркивает мысль о том, что не столько из Феодосии, сколько из огромного дома была родом героиня.

Образ дома многосоставен, соединяет единичное с общим, идеальное с реальным, стремится к их всеобъемлющей гармонии. Дом в народной культуре – это

средоточие основных жизненных ценностей: счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и предков). Дом, сооруженный руками хозяина или его родителей, воплощает идею семьи и рода, связи предков и потомков (Шейнина 2003, 591). Дом, следовательно, и противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. Дом Медеи – это храм, священная земля. Представители власти не решаются переступить его порог, чтобы арестовать Рашида – участника движения за возвращение татар в Крым, которому Медея дала приют и защиту. Другой эпизод повествует о тех событиях, когда Медея находит письмо Сандры Самуилу, узнаёт о предательстве. Она пытается бросить дом, уехать к Леночке. Но через три дня Медея вернулась обратно, где её жизнь, её силы, душевный покой.

Части дома, которые претендуют на роль его сакрального центра, занимают, как правило, периферийное положение. Наиболее почитаемым местом является красный угол, однако не менее значима и расположенная по диагонали от него печь. В доме Медеи тоже была «умная печурка, которая брала мало топлива, но давала много тепла». Сакральное место как бы олицетворяется, становится полноправным членом семьи Медеи. Была летняя кухня, сложенная «из дикого камня, на манер сакли, одна стена упиралась в подрытый склон холма, а низенькие, неправильной формы окна были пробиты с боков. Висячая керосиновая лампа мутным светом освещала стол...» (Улицкая 2006, 24).

Дом Медеи приобретает особое символическое значение. Располагаясь в самом высоком месте поселка (выше только поселковое кладбище), он является тем «неподвижным центром, вокруг которого происходит движение миров, звезд, облаков и овечьих отар» – своеобразный аналог пупа земли, как отмечает Т. Ровенская (Ровенская 2001, 137). Как мифопоэтический символ, пуп земли связан с мотивом родового места, местом происхождения человеческого рода. Пуп земли отмечает и самую высокую точку горы, к которой пристал ковчег, спасающий последних людей, которым суждено стать первыми. Стоящий на священной земле дом Медеи становится сакральным центром, вселенной огромной семьи; мирозданием особых людей, как видит их Нора. «Нора замороженно смотрела в ту сторону, где сходилась балка, горушка, завивалась какая-то длинная складка земли и там, в паху, стоял дом с черепичной крышей...» (Улицкая 2004, 29). Описания быта в доме Медеи перемежается с природным описанием при помощи метафор, что еще раз подчеркивает «слиянность» сакрального и тварного миров: «Темно-синие тени гуляли по голубому полотну латаных простыней, простыни медленно, парусообразно выгибались, грозя развернуться и уплыть в грубо-синее небо» (Улицкая 2006, 12).

Дом для Медеи, не только пространство, на котором она проживает сейчас и несколько лет до и после, прежде всего для нее дом связан с детством. «...Медеино жилье... напоминало дом ее детства» (Улицкая 2006, 90). Не случайно Л. Улицкая вводит в роман особую тему – тему детства, показывая взаимоотношения между представителями маленьких потомков Синопли. Складывается такое впечатление, что дети, составляют некую общность – это общие дети, дети Медеи. Они усваивают семейные правила не только от родителей, но и от других взрослых родственников. Например, Георгий, племянник Медеи и ее будущий наследник, «вовсе не ставя перед

собой никаких педагогических задач, из года в год давал детям своей родни ни с чем не сравнимые уроки жизни на земле. От него перенимали мальчики и девочки языческое и тонкое обращение с водой, с огнем, с деревом» (Улицкая 2006, 56).

Сама Медея воспринимает традиции как некие ритуалы, установленные давным-давно в ее доме: «Момент был ритуальный. Каждый приезжающий привозил подарки, и Медея принимала их как будто не от своего имени, а от имени дома» (Улицкая 2006, 31). Интересно, что любой человек, входящий в дом Медеи, принимал его традиции и становился полноправным членом семьи Медеи, и окружающие его люди признавали за ним это право: «...себя обитатели Медеино дома курортниками никогда не считали, да и местные относились к ним, как к своим» (Улицкая 2006, 82). О том же продолжении традиций рода свидетельствуют и другие факты. Например, приезжий Равиль высказывает свою тайную просьбу Медее – купить дом в Крыму. Сам Георгий, племянник Медеи, мечтает купить дом в этой местности: «Бросить бы все к черту и купить здесь дом» (Улицкая 2006, 27).

«Прожаренный солнцем и продутый морскими ветрами дом притягивает все это разноплеменное множество...», – читаем у Улицкой (Улицкая 2006, 16). Практически все члены ее семьи являются представителями разных национальных культур. Таким образом, времяпространство романа расширяется. Приобщаясь к другой национальной культуре, живя далеко от родного Крыма, члены этой семьи не боятся потерять семейные связи, раствориться в другой культуре. «Это удивительно приятное чувство – принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех их членов даже не знаешь в лицо и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего», (Улицкая 2006, 575) – пишет автор. Прежде всего, центром душевной культуры героев служит своя реальная родина, дающая точки зрения, масштабы, подходы и оценки, организующая видение и понимание чужих стран и культур.

Образ хозяина дома, в данном случае хозяйки, занимает центральное место в понимании самого образа дома. Не случайно дом расценивался как закрытое место и символизировал женское начало и был местом женщины (в отличие от поля – мужского, открытого пространства) (Шейнина 2003, 591). Улицкая называет свою героиню праведницей и придает ее чертам иконописность: это отражение внутреннего света, душевной стойкости и покоя. Самуил Яковлевич говорил Медее: «Я почувствовал, что рядом с вами нет страха». «Праведница у нас была одна...» – говорила Сандрочка (Улицкая 2006, 549).

Такой способ передачи самосознания семьи не прервется со смертью Медеи, так наследником Медеи становится ее племянник Георгий. Он обладает сходными с ней нравственными качествами, семейным чувством и достаточной тонкостью душевной организации.

Медея – созидательница не только дома земли, но и служительница дома смерти. Она создает покой Маше, совершившей самоубийство. Медея имеет особый дар обращения с предками, соприкосновения с прошлым. Как только в дом Медеи приезжает племянник Георгий, они вместе с сыном сразу же идут на кладбище: «Придирчивому взгляду Георгия не удалось найти неполадки – Медея, как всегда, его опередила: ограда была покрашена, цветник вскопан и засажен дикими крокусами, взятыми на восточных холмах» (Улицкая 2006, 62).

Проанализировав реализацию образа дома в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети», отметим, что, по нашему мнению, пространственно-временная организация произведения имеет черты идиллического хронотопа (по классификации М. Бахтина). Это выражается прежде всего в особом отношении времени к пространству: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки.

Роман «Казус Кукоцкого» был написан значительно позже романа «Медея и ее дети» и создавался в течение 10 лет. Роман продолжает разработку темы дома и семьи. Тем не менее дом здесь изображен несколько в другом ракурсе. Он показан в динамике, причем, изменения не всегда благоприятны для героев. Хотя принцип, по которому построено описание дома, схож с принципом описания дома Медеи. Личное время в романе переплетается с историческим временем. Так при описании зарождения рода Кукоцких, автор дает исторический экскурс: «Откуда взялась сама фамилия Кукоцких, доподлинно не известно, но, посемейной легенде, предок Авдей происходил из местности Кукуй, где построена была при Петре Первом Немецкая слобода» (Улицкая 2008, 1). Вспомним, в романе «Медея и ее дети» Л.Улицкая так же подробно рассказывает о фамилии рода Мендэс, о ее родовой линии.

В романе происходит соединение двух тайных пространств, соединение двух личностей: «Два тайновидца жили рядом. Ему была прозрачна живая материя, ей открывалась отчасти прозрачность какого-то иного, не материального мира». (Улицкая 2008, 26). Два совершенно разных пространства описаны и соединены воедино. При появлении в доме нового человека (Томочки Полосухиной) общее пространство спальни, которое было предназначено для двух ясновидцев Елены и Павла, теперь разобщилось. «Они почти не разговаривали, только по домашней необходимости. В первый же вечер, когда дети Полосухины появились у них дома, еще до ссоры, Елена постелила мужу на диване в кабинете» (Улицкая 2008, 42). Так, при появлении в доме Томочки пространства на каждого члена семьи уменьшилось, герои стали теснее соприкасаться друг с другом, и это соприкосновение повлияло на судьбу самих девочек: Таня забросила свое увлечение музыкой, Томочка же, наоборот, преобразилась, и стала вполне приличной девушкой. Эти два пространства взаимодействуют и «зеркально» преображаются. Тома живет в благополучии, а Татьяна умирает, заразившись тяжелой болезнью.

При частом изменении ситуаций, при внедрении новых героев, которые чужды и неорганичны в нем, очень трудно говорить о какой-то либо гармонии, идиллии, в доме. Слишком много переломных моментов происходит с семьей Кукоцких. Единственным моментом, где встречается в чистом виде идиллический хронотоп, служит дача Кукоцких.

Единение с природой, медленно течет время, нет работы. Автор представляет нам идиллический пейзаж. На даче практически не бывает посторонних, девочка, приемная дочь Кукоцкого, живет вдвоем с Василисой, лишь изредка приезжает семья, происходит «единение разных возрастов, еда, питье, гармония»: «Утренняя порция сладкого козьего молока в белой фарфоровой кружке, законные сугробы, толстые и волнистые понизу, и маленькие, округлые, празднично разложенные подушки

на спинах еловых веток поверху, и белый костяной блеск клавиш, к которым Таня переходила после завтрака, пока Василиса мыла посуду» (Улицкая 2008, 22). Дача Павла Алексеевича напоминает Дом Медеи по своей атмосфере и пространственной организации. Дом же Кукоцких создан автором абсолютно другим, вследствие другого типажа персонажа.

Так как главным героем является мужчина, а не женщина (как это было в романе «Медея и ее дети»), то большее внимание уделяется работе, самореализации себя вне дома. Работа частично переносится и на дом; даже свою будущую жену Павел сам оперировал, привез из больницы к себе в дом. Неродная дочь Павла Таня так же была привезена в дом вместе с матерью. Таким образом, мы можем сделать вывод, что с изменением расстановки акцентов (Медея - дом, Павел – медицина), происходит и изменение ведущего хронотопа. В романе «Медея и ее дети» основным хронотопом является идиллический хронотоп, в романе «Казус Кукоцкого» трудно однозначно определить ведущий тип хронотопа, но немаловажное место занимает хронотоп раблезианский. Это находит отражение и при создании самого образа дома, происходит его трансформация. Дом в романе «Казус Кукоцкого» уже не является тем сакральным центром мироздания, которым являлся в романе «Медея и ее дети».

Использованная литература:

- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Ровенская Т.А. Роман Л.Улицкой "Медея и ее дети" и повесть Л.Петрушевской "Маленькая Грозная": опыт нового женского мифотворчества //Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. №2. С.137-163.
- Улицкая Л. Медея и ее дети, М., 2006.
- Улицкая Л. Казус Кукоцкого, М., 2008.
- Черняк М.А. Женский почерк в современной прозе // Современная русская литература. СПб., М.:САГА: ФОРУМ, 2004.
- Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: ООО «АСТ»; Харьков; ООО «Торсинг», 2003.
- Литературно-энциклопедический словарь. Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.

О новых терминах в языке уголовного права

Д.А.Валентинова

Университет им. Палацкого в Оломоуце

Словарный состав – наиболее проницаемая, изменчивая и подвижная сторона языка, которая непосредственно реагирует на то, что происходит в мире реальных, в ней отражаются наши представления о различных явлениях внеязыковой деятельности. Словарный состав языка способен практически бесконечно разрастаться за счёт новых слов и новых значений, которые образуются различными путями. Образование новых слов и значений является свидетельством «жизни» языка, его способности отражать процесс познания и освоения окружающей действительности сознанием его носителей.

По подсчётам специалистов, в словарях, фиксирующих неологизмы таких языков как русский, английский, французский, чешский и т.д., термины составляют от 50 до 80% новых слов и значений. Это значит, что в последние годы лексика этих языков пополняется в значительной степени за счёт терминов (Лейчик, В.М. 1983, 118-127).

Как считает В.П.Даниленко, современные науки, производство, техника, международные контакты, - всё это приносит в язык огромное количество новых терминологических наименований во всех сферах научной жизни (Даниленко В.П., 1971)

Юридическая терминология является, по мнению многих исследователей, одной из важнейших для носителей ненаучного, обыденного сознания. Ведь законы издаются не только для учёных-юристов, но и (в первую очередь) для граждан государства (носителей обыденного сознания), и именно ими, прежде всего, должны быть интерпретированы верно.

«Необходимо учитывать, что современная Россия характеризуется стремительным развитием процесса правотворчества. Ускоренные темпы данного процесса не всегда положительным образом влияют на качество нормативных правовых актов, в том числе и в плане использования терминологии» (Фомина Л.Ю., 2007, 117)

При этом от правильного употребления терминов в законе во многом зависит эффективность действия правовых норм, поскольку именно термины призваны способствовать наиболее точному, краткому и информативному изложению содержания нормативных правовых актов.

Тенденция к неологизации в языке права вообще и уголовного права в частности обусловлена «объективными изменениями в современной жизни и является естественным процессом, отражающим общие направления развития русского языка и языка науки» (Исютин-Федотков, 2007, с.89)

В данном докладе мы хотели бы остановиться на разборе нового в юридической доктрине термина **рейдерство**, который на сегодняшний день активно употребляется в среде юристов (как учёных, так и практиков), встречается в научных

статьях и публицистике, однако Уголовный Кодекс РФ такого термина до сих пор не знает, и нормативной дефиниции у этого термина на настоящий момент нет.

Обратимся к словарным статьям: Большой Юридический словарь (Большой юридический словарь, 2007) не даёт нам определения термина **рейдерство**, равно как и термина **рейдер**, от которого исследуемый термин был образован в русском языке.

Не знают этого термина также некоторые другие специализированные юридические словари (Баранов А.М., Марфицин П.Г. (<http://www.jur-words.info>), (<http://yurist-online.com>).

В толковом словаре С.И.Ожегова (Ожегов С.И. <http://www.ozhegov.ru>) термин **рейдер** имеет только одно значение – «Военный корабль, ведущий на морских путях самостоятельные операции по уничтожению транспортных судов противника»

В Большом Энциклопедическом Словаре (<http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p>) мы находим похожее определение: «военный корабль (крейсер, линкор) или вооруженное торговое судно, ведущее самостоятельные боевые действия на морских коммуникациях». Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) рассматривает **рейдерство** как одну из крейсерских операций, и другого значения не даёт.

Этот же смысл отражает и Сборный словарь иностранных слов русского языка (http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwds)

Однако под этим термином в юридической публицистике традиционно понимается *«незаконное поглощение предприятия против воли его собственника или руководителя»*.

Соответствующее значение в русском языке мы можем найти только в словарях экономических или экономико-правовых:

Современный Экономический Словарь (Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б., 2006) даёт нам следующее определение термину **рейдер**: «фирма, стремящаяся поглотить другую фирму».

В Словаре бизнес-терминов (<http://dic.academic.ru/contents.nsf/business/>) также есть определение понятию **рейдер**: «лицо, начинающее активно скупать акции компании с целью получения контрольного пакета».

Из юридических словарей только Энциклопедический словарь экономики и права (http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law) даёт нам дефиницию термина **рейдер**, соотносимую с тем значением, в котором он (а также производный от него термин **рейдерство**) употребляется в среде юристов: «**рейдер** – физическое или юридическое лицо, приобретающее акционерную компанию без согласия ее акционеров, работников, администрации, использующее в этих целях процедуру покупки на открытых торгах, агрессивно скупающее контрольный пакет акций»

Статья для термина **рейдерство** во всех выше перечисленных словарях – отсутствует.

Исходный термин **рейдер** пришёл в Россию из США. В Соединенных Штатах **рейдером** называют сторону в процессах слияний и поглощений, инициирующую эти процессы. В США, в отличие от России, этот термин не имеет отношения к криминалу.

В принципе – **рейдерство** является законным способом ведения бизнеса, и часто даже признаётся областью высокоинтеллектуальной деятельности бизнесменов.

Заимствовав этот термин, русский язык придал ему негативную (криминальную) окраску. В этой связи немаловажным будет отметить, что терминология в принципе не допускает появления эмоционально окрашенных единиц, однако в законодательной практике, к сожалению, это правило порой нарушается, и мы можем встретить экспрессивные термины даже в текстах законов (Фомина Л.Ю., 2006; Милославская Д.И., 2004, Кострова М.Б., 2002, 2004.)

То, что в русском языке у этого термина доминирует именно криминальный оттенок значения, вызвано, вероятно, реальными фактами осуществления **рейдерства** в РФ – то есть, преобладающими эпизодами т.н. «чёрного рейдерства» - поглощений незаконных, незаконного отъёма собственности и т.д.

В этом случае мы можем говорить о том, что термин **рейдерство** в русском языке прежде всего понимается как *«набор незаконных тактик, включающих в себя кражу личных данных, фальсификации, взяточничество и т.п.»* (Бастрыкин, А. 2009)

В настоящее время эти правонарушения наказываются по различным статьям Уголовного Кодекса (статьи: 159 (мошенничество), 163 (вымогательство), 179 (принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения), 330 (самоуправство) и 327 (подделка документов).

В 2006 году Торгово-промышленная палата разработала и предложила Госдуме принять поправки в Уголовный кодекс, регламентирующие наказание за **рейдерство**. За незаконное поглощение предлагалось приговаривать к 20 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Таким образом, фактически предлагалось сузить значение этого термина и сделать его нормативным – именно в том варианте, в котором оно сейчас существует в юридической практике и доктрине.

В 2009-м году Комитет по экономической политике и предпринимательству Госдумы РФ на одном из своих заседаний вновь предлагал дать нормативную дефиницию термину **рейдерство**, чтобы исключить двоякую его трактовку (ориентированную на мировую практику, в которой рейдерство является законным способом ведения бизнеса, а нарушения этой законности караются соответствующими законами, - с одной стороны, – и уже сложившуюся в российской «правовой среде», воспринимающей рейдерство именно как набор действий по незаконному отъёму собственности у юридических лиц – с другой).

Но, к сожалению, на настоящий момент эта задача так и остаётся не решённой: нормативная дефиниция отсутствует как в законе, так и в специальных словарях, а практика употребления этого термина в научной и практической деятельности юристов, хоть и склоняется к пониманию его именно как криминального деяния, всё же не может обеспечить однозначного понимания этого термина в 100% случаев.

В заключение хотелось бы сказать, что нововведения языка юридической науки и практики не должны приводить к многозначности употребления терминов.

Процесс терминологизации лексической единицы – всегда длительный, и неизбежен период, когда термин ещё не имеет чётких дефиниций, но уже широко употребляется именно в своём терминологическом значении.

Однако уголовное право – это та сфера, в которой двусмысленности и неоднозначные трактовки понятий могут приводить к очень серьёзным последствиям. Поэтому хотелось бы, чтобы в этой области предпринимались меры по унификации нормативной терминологии и закреплению терминологических значений новых слов.

Использованная литература:

- Баранов А.М., Марфицин П.Г. *Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов* (<http://www.lawtech.agava.ru/pub/buppdic.htm>)
- Бастрыкин, А. *О новых способах рейдерства*. In: «Российская газета» – 2009. - №5012 (188), 7.10.2009
- Большая Советская Энциклопедия. / гл. ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. - М.: Советская Энциклопедия, 1970.
- Большой энциклопедический словарь // электронное издание: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>
- Большой юридический словарь. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. — М.: ИНФРА-М, 2007
- Даниленко В.П., *Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследование по русской терминологии*, М., 1971
- Исютин-Федотков Д.В. *Некоторые аспекты тенденции неологизации языка криминалистики*. In: Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. Кемерово-Барнаул, 2007
- Кострова М.Б. *Изобразительно - выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования*. In: "Журнал российского права". – 2002., №8
- Кострова М.Б. *К вопросу об использовании изобразительно-выразительных средств языка в уголовном законе* In: Юрислингвистика -5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межувуз.сборник научных статей. Барнаул, 2004.
- Лейчик, В.М. *Новое в Советской науке о терминах (обзор тематических сборников ИРЯ АН СССР)* In: Вопросы языкознания, 1983, №5.
- Милославская Д.И. *Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста*. In: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2000.
- Ожегов С.И. *Словарь русского языка* // электронное издание: <http://www.ozhegov.ru>
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. *"Современный экономический словарь"* М., 2006
- Сборный словарь иностранных слов русского языка // электронное издание: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/
- Словарь бизнес-терминов// Электронное издание: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/business/>
- Словарь юридических терминов (<http://www.jur-words.info/>)
- Фомина Л.Ю. *Нормативная правовая терминология: современное состояние и вопросы унификации* In: Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. Кемерово-Барнаул, 2007
- Фомина Л.Ю. *Унификация нормативной правовой терминологии: Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ю.н.*, Нижний Новгород, 2006.
- Электронный словарь юридических терминов (<http://yurist-online.com>)
- Энциклопедический словарь экономики и права // электронное издание: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law

«Русская мафия» на страницах чешской прессы кон. XX в. – нач. XXI в. К вопросу о роли СМИ в формировании этнических стереотипов

Марина Губина

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва

Под стереотипами, как известно, понимают устойчивые значительно упрощенные, поверхностные, и в большинстве случаев оценочные суждения о взглядах, ценностях, поведении отдельных групп. Эти суждения о группе переносятся на конкретных людей, которых к этой группе причисляют.

Согласно У. Липпманну, стереотипы помогают упорядочить реальность, придать ей форму, которую легко понять, таким образом, они влияют на наше восприятие мира; стереотипы как упрощенное изображение действительности представляют «наиболее краткий путь» к означаемому, стереотип легко узнаваем, он помогает находить соответствия между новым и уже пережитым. Но в силу своего «упрощенного» характера он способствует появлению предрассудков (Burton, Jirák 2001, 189).

СМИ, являясь одним из основных источников информации, играют существенную роль в формировании, распространении и укреплении стереотипов. Это касается и этнических стереотипов, поскольку наши знания об иностранцах часто не могут основываться на личном опыте, так как его недостаточно или нет вообще.

Иммигранты из России в Чехии живут замкнуто и не стремятся к общению с основным населением, которое в свою очередь тоже не ищет знакомств с ними (Drbohlav 1999, 1). В результате представления чехов о русских редко основываются на личном опыте - основную роль играет опыт, предоставленный внешними источниками, в частности СМИ.

Недостаточные собственные знания не позволяют оценить, насколько сведения в СМИ исчерпывающи и объективны. Тот факт, что СМИ не столько отображают окружающую действительность, объективно фиксируя происходящие события, сколько конструируют ее, отбирая и интерпретируя освещаемые факты (McCombs 1994, 14), ускользает от читателя, когда СМИ становятся основным источником информации, как в случае с русскими иммигрантами в Чехии.

Надо отметить, что под «русскими» ("Rusové") в чешской прессе нередко имеют в виду и представителей других национальностей. Русский и россиянин (тем более что *Rus* обозначает и русского, и гражданина России и может интерпретироваться по-разному), Россия и СССР, страны СНГ – все становится чем-то единым и не всегда конкретным и однозначным.

В прессе появляются публикации, в заголовках которых, например, подчеркивается русская национальность, а в самой статье речь идет об Умарашабе Магомедове, Семене Могилевиче, Майкле Васермане. И далеко не всегда объясняется, на каком основании людей называют «русскими». Но в итоге у читателей складывается впечатление, что речь идет именно о русских, тем более если национальность

выносится в заголовок. Иностранцев часто называют по каким-либо внешним признакам, например по языку и акценту (*ruskojazyční cizinci, rusky mluvící, cizince z Východu, občany bývalého SSSR*), и журналист не выясняет их национальность, гражданство.

Иммигранты из России и бывшего СССР для многих чехов - «русская мафия», поскольку такое мнение о «русских» из года в год тиражировала чешская пресса. «Некоторые иностранцы нашей республике нужны (...). Но это должны быть образованные и порядочные люди. А пока, судя по новостям, получить политическое убежище, скорее, удастся разным мафиози. По крайней мере, такое впечатление создается, когда слышишь о том, что русскоговорящие мужчины на кого-то напали, застрелили кого-то прямо на улице и тому подобные вещи», - в письме читателя в редакцию газеты «MF Dnes» (18.09.2002) воспроизводится стереотип, свойственный чешским СМИ – „говорящие по-русски мужчины - русская мафия“.

«Русская мафия» на страницах чешской прессы во многом напоминает российские организованные преступные группировки 90-х годов, стереотип о русскоговорящих бандитах в Чехии схож с представлениями россиян о «братках». Бригады бритых и накаченных «братков» торгуют оружием, наркотиками, организуют бордели, занимаются контрабандой и вымогательством, «помогают» незаконно пересечь границу, предоставляют «крышу». Говорящие по-русски бандиты безжалостны. Жертвами бандитов, как правило, становятся их соотечественники, приехавшие в Чехию, но иногда и чешские бизнесмены. Группировки периодически устраивают разборки друг с другом, делят сферы влияния. Не опасаясь полиции, они могут устроить перестрелку днем в центре города. Мафия занимается и отмыванием денег, операциями с недвижимостью, оказанием «посреднических» услуг своим соотечественникам, ведением казино и ресторанов. Полиция порой годами не может никого поймать, потому что «мафия» нередко связана с коррумпированными представителями власти.

С таким стереотипом о русских и о «русской мафии» мы столкнулись, анализируя публикации об иммигрантах из России, появившиеся в печатных СМИ Чехии в 1996 и 2006 гг. Статьи отбирались с помощью ключевых слов из базы данных Newton IT.

Статьи на интересующую нас тему в чешской прессе не носят систематического характера. Так, в 1996 году тему иммигрантов из России так или иначе затронул 91 материал, тема криминала прозвучала в 45 публикациях, в 31 из которых появилась «русская мафия».

В 2006 году из всех 79 статей о русских иммигрантах криминалу было посвящено 13 материалов, 4 из них касались темы мафии. Это объемные аналитические материалы. В 1996 году аналитические статьи были достаточно редкими (6 статей из 31), газеты и журналы главным образом публиковали краткие новостные сообщения о «русской мафии».

Представление о русских иммигрантах как о членах организованных преступных группировок начало формироваться и утвердилось в 90-е годы, когда россияне начали уезжать в Чехию, а впоследствии пресса продолжала подтверждать такую точку зрения.

В большинстве публикаций 1996 года, и в аналитических статьях, и даже в кратких новостных сообщениях, много внимания уделяется разного рода деталям: тщательно описывается понятие «мафия», деятельность и специализации группировок, их методы работы. Видимо, обойтись без таких подробностей еще было сложно, так как читатель должен был получить базовые сведения о вопросе, о котором он пока имел только смутные представления:

Racketing: Výnosný a nebezpečný zločin, 16.1.1996, Profit - (...) vznikají tak organizované gangy s určitou specializací. Rusové a Ukrajinci, kteří se poměrně slušně zabydleli zejména v Praze, se zabývají tzv. racketingem, tedy výběráním měsíčních poplatků "za ochranu" (převážně od svých krajanů), na zakázku vymáhají i pohledávky od českých podnikatelů. Dále se specializují na obchod se zbraněmi a drogami.

Vyděračské gangy vymáhají od cizinců mýtné, 14.12.1996, MF Dnes - Poslední případ u Rokycan měl klasický scénář, podle něhož obvykle vyděrači postupují. Tři ruský hovořící muži zastavili auta s převozními značkami a prohlásili se za silniční kontrolu. "Požadovali od řidičů deset procent z hodnoty převážných vozidel jako mýtné za průjezd republikou," uvedl mluvčí policie Kovář.(...)"Hrozili, že zapálí oba jejich vozy, pokud peníze nedostanou."

Постепенно в текстах прессы и в сознании читателей создавалась красочная картина о «русских» в Чехии, накапливалась информация, на основании которой складывался стереотип.

В то же время в ряде публикаций 1996 года начинает прослеживаться противоположная тенденция - появляются статьи, авторы которых отказываются от пояснений и описаний «русских» группировок. Значит, некая база знаний у читателей уже есть. В ряде статей встречаются замечания, говорящие о том, что чехи уже привыкли к такому явлению как «русская мафия»:

Mafie si vyřizuje účty, 2.1.1996, Týden - Mrtvolý ruskojazyčných cizinců nejsou v Praze ničím neobvyklým," říká policista, který si nepřál být jmenován. "Neříkám, že jsou jejich vraždy na denním pořádku, ale většina z těchto lidí je na našem území zapletena do závažné trestné činnosti, které pro ně ne vždy končí šťastně".

Žhavé výstřely, 30.12.1996, Reflex - Je zcela v duchu českých poměrů, že krvácející muž vykřikující ruská slova nedokáže na ulici nikoho vyvést z míry - a to ani pouliční policejní hlídku. A tak se stalo, že se toho dne nakonec Rusovi podařilo uprchnout. Není jasné, jak se vlastně dostal domů. Nejspíš si najal taxík nebo požádal o odvoz nějakého známého. Ale dost možná odjel prostě tramvají nebo metrem.

Журналисты, отказываясь от привлекающих внимание подробностей, наделяют «мафию» яркими эпитетами, или вместо описаний достигают не менее сильного эффекта за счет оценочных словосочетаний: *nejvlivnější ruská mafia* (MF Dnes, 17.2.1996), *války ruskojazyčných mafiánských gangů* (Právo, 3.7.1996), *Ruské mafie u nás nemají soupeře* (Denní TELEGRAF, 1.7.1996), *Pohrůžka napsaná nebo vyslovená v ruštině či návštěva hochů z východu obvykle bezpečně zabírá* (Profit, 16.1.1996).

В 2006 году «русская мафия» в прессе уже используется как своеобразный термин, который несет общеизвестное содержание. Пояснения уже, как правило, лишние. «Мафия» выполняет функцию ярлыка, который должен заинтересовать читателя.

Если в 1996 году поводом для большинства публикаций о «русской мафии» служили конкретные преступления, то в 2006 году ситуация меняется - за год нет ни одного сообщения о конкретном случае нарушения закона. Видимо, громких преступлений, где могли бы быть следы «русской мафии», стало меньше (и доля криминальной хроники в статьях о русских иммигрантах в 2006 году гораздо меньше по сравнению с 1996 годом).

Однако после прочтения материалов прессы за 2006 год складывается впечатление, что журналисты пользуются популярностью темы о «русской мафии» и специально возвращаются к ней, «смакуя» ее и «художественно» обрабатывая. Русскоговорящие преступные группировки вновь оказываются на страницах газет и журналов, хотя в отличие от 1996 года, когда за статьями стояли конкретные преступления, это происходит искусственно, по желанию журналистов. Воссоздается красочная картина 90-х, и журналисты не всегда четко объясняют читателям, что за 10 лет, возможно, многое изменилось:

Ruská mafie má pod palcem celou republiku, 9.8.2006, Ústecký deník - Prakticky všechny mafie z bývalého SSSR se věnují klasickému plnému servisu nezákonné činnosti: vybírání výpalného, vymáhání neexistujících pohledávek, organizaci prostituce a obchodu s drogami, přepadávání bank, vykrádání klenotnictví apod. Skutečné hrůznou, a často přehlíženou, byla informace o stavu prorůstání ruské mafie do státního aparátu. Na to upozorňují bezpečnostní odborníci již řadu let, přesto dodnes nikdo nemá představu, jak rozsáhlé je a komu slouží.

Порой связь материала с мафией преувеличивают, или даже находят там, где ее нет. Так, например, в заголовке или кратком изложении статьи, где обычно излагается идея текста, автор поднимает тему мафии, а затем в самой статье опровергает подобные «предрассудки»:

Seriál cizinci u nás: Ukrajinci v Česku, 5.9.2006, Metro - Jak vnímají Češi občany Ukrajiny? Jako dělníky či uklízečky. Spolu s Rusy a obyvateli bývalé Jugoslávie jsou to mafíáni, kteří ovládají velkou část „českého podsvětí“. Je tomu opravdu tak?

Bylo to opravdu dílo ruské mafie? 5.8.1996, Haló noviny.

Возвращение к однажды появившейся теме, ее повторение, в принципе характерно для СМИ: чем чаще что-то повторяется и воспроизводится (будь то сведения, тема, жанр), тем больше этому верят.

Стереотип о «русской мафии» является частью общего стереотипа об иммигрантах из России и стран бывшего СССР и в силу своей распространенности влияет на формирование мнения чехов об иммигрантах. Так, Д.Дрбоглав в своем исследовании о русской общине в Чехии пишет: «Уже и в Чехии можно говорить о новой эре „русской мафии“, известность которой сегодня сравнима с традиционной итальянской мафией».

Использованная литература:

- Bitrich, T., Klvačová, P.: Jak se (ne)píše o cizincích. Praha. 2003.
Burton, G., Jiráček, J.: Úvod do studia médií. Brno. 2001, s. 189-190
Drbohlav, D., Lupták, M.: Ruská komunita v České republice. Praha. 1999.

Jiráček, J., Köpplová, B.: Média a společnost. Praha. 2003

McCombs, M.: News influence on our pictures of the world. In: Media effects: advances in theory and research. Hove, UK, 1994, p.14.

Projekt Rozumět médiím, www.rozumetmediim.cz

Internetová komunikace – píšeme nebo mluvíme? K problematice fungování ruského jazyka ve virtuálním prostředí

Jakub Konečný
Univerzita Hradec Králové

Příspěvek je zaměřen na problematiku komunikace v prostředí internetu a je výstupem z autorovy diplomové práce s názvem „Charakteristika základních tendencí a změn v jazyce podmíněných rozvojem internetové komunikace“. Částečně se také jedná o výstup z projektu specifického výzkumu „Sledování tendencí vývoje ruského jazyka v ruském internetovém prostředí“, který byl řešen v roce 2009 pod vedením Mgr. Miroslava Půži na Katedře slavistiky Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové.

Je nepochybné, že internet se stal nejrychleji se rozvíjejícím masmédiem posledních let. Že jde o zdroj stále populárnější, svědčí také neustálý nárůst počtu uživatelů (připojení k internetu) na celém světě. Zatímco v prosinci 2009 bylo ve světě nejméně 1 733 993 700 uživatelů internetu (z toho 418 029 800 připadá na obyvatele Evropy – přibližně 52 % obyvatelstva Evropy), v březnu 2011 šlo o nejméně 1 966 514 816 uživatelů internetu na světě (z toho 475 069 448 uživatelů v Evropě – 58,4 % obyvatelstva kontinentu). Ještě zřetelnější nárůst lze pozorovat v případě uživatelů internetu na území Ruské federace – z 32 % obyvatelstva v prosinci 2009 na 42,8 % obyvatel v březnu 2011. (Konečný 2011, 9;87)

Nedochází však jen k nárůstu počtu uživatelů internetu, ale i, k rozvoji samotného internetu, který nabízí stále nové možnosti pro nejen pro vyhledávání informací, ale také pro komunikaci a sdílení svých zážitků. A právě poslední dvě uvedené možnosti internetu zásadním způsobem ovlivňují i způsob, jakým se online uživatelé projevují – tedy jejich způsob práce s jazykem. Zatímco v posledním desetiletí 20. století jsme se setkávali především s weby první generace (tzv. weby 1.0), které obsahovaly informace naprogramované konkrétním administrátorem a sloužily pouze jako zdroj informací, počátek 21. století je spojen s intenzivním rozvojem webů druhé generace (tzv. webů 2.0). Stejně jako jejich předchůdci, i tyto weby mají své administrátory, avšak těžiště aktivity se přesunulo od nich k uživatelům, kteří sami tvoří a svou činností ovlivňují náplň stránek.

1. Internet jako nový sociální prostor

V poslední době dochází k formování „síťové generace“, jejíž členové si již nedokáží představit plnohodnotný život bez internetu. Členové této generace tráví na internetu, který se stal přirozenou součástí jejich života, velkou část dne. Nelze nesouhlasit s tvrzením Galiny Nikolajevny Trofimovové, že „život se dostal na internet a internet se dostal do života“. (přeloženo podle Trofimova 2005, 65)

Nové prostředí, ve kterém probíhá komunikace, neovlivňuje a nemění jen způsob chování komunikantů, ale též formu a nezřídka i obsah komunikace. Na internetu existuje několik základních komunikačních forem. Shodně s Ninou Borisovnou Mečkovskou můžeme rozlišit dvě základní skupiny komunikačních prostředků – prostředky offline

a prostředky online komunikace. Do první skupiny řadíme elektronickou poštu (email), elektronické nástěnky, internetová offline fóra a konference, blogy. Druhá skupina je zastoupena chatem, online konferencemi a fóry a axiální komunikací (Instant Messengers, dále jen IM, např. ICQ). (Mečkovskaja 2009, 441-450)

Každý z uvedených prostředků, které má uživatel k dispozici, vyžaduje použití specifické formy komunikace. Zatímco v případě offline komunikace nejsou požadavky kladené na způsob vyjadřování nijak specifické, u online komunikace je tomu jinak. Výrazným jazykovým rysem všech online komunikačních aktů na internetu je „hybridnost dvou živelů“: písemné a ústní komunikace. Vnější strana (forma) komunikátu je omezena fyzickými možnostmi prostředí – tedy klávesnicí a prsty autora. Vnitřní strana (obsah) komunikátu však má velmi často charakter ústního projevu. Tím došlo ke zjevnému sblížení dvou základních řečových antinomií – ústní a písemné. (Mečkovskaja 2009, 441-442)

Galina Nikolajevna Trofimovová dochází k závěru, že se v internetovém prostředí formuje specifická forma řeči, kterou označuje termínem „письменно-устная“. Pro účastníky online komunikace pak používá označení „письменно-говорящий“ a „письменно-слушающий“. (Trofimova 2005, 106-107) A proto, zatímco lze souhlasit s tím, že při emailové komunikaci „píšeme“ (byť i zde můžeme pozorovat některé charakteristické rysy spojené s novým prostředím), v případě komunikace na chatu nebo prostřednictvím IM již takovou jistotu mít nelze. Kromě charakteru komunikace na chatu, o kterém ještě bude zmínka později, je to dáno také častějšími užitím sloves „řeknu“ a „povím“ než „napíšu“, a to navzdory faktu, že komunikace mezi oběma (či všemi) komunikanty nese jednoznačně psanou podobu.

2. Jazyk chatu

Chat (z anglického to chat, tj. „popovídat si“) Eva Jandová definuje jako „*poměrně mladý typ internetové komunikace, při kterém si spolu v písemné formě povídají dva nebo více partnerů. (...) WWW chat probíhá v tzv. chatovací místnosti (chatroom). Místnost je metaforické pojmenování pro virtuální prostředí, ve kterém nezávazně konverzuje více nebo méně komunikantů. (...) Komunikanti v místnosti vystupují v podstatě anonymně pod přezdívkou (nickem), kterou uvádí při registraci do místnosti. (...) Přezdívky si uživatelé volí sami, a protože nick je prvním (a často i jediným) znakem, který je v místnosti reprezentuje a který buduje jejich virtuální identitu, přistupují k jejich tvorbě často velmi invenčně.*“ (Jandová 2006, 7, 11, 13)

Dle našeho názoru je chat jedním z přirozených prostředí fungování jazyka na internetu. Ruský jazyk není v tomto případě výjimkou. Pro zjištění způsobu realizace ruského jazyka na internetu byla v rámci výzkumu pro zpracování diplomové práce provedena analýza materiálu získaného z veřejně přístupného ruského chatu „Чат@Mail.ru“ (<http://www.chat.mail.ru>). Jednalo se o práci s materiálem nasbíraným z více než 30 hodin komunikace v tomto prostředí. Při zpracování jazykového materiálu jsme se zaměřili na následující tři oblasti: a) charakter prostředků komunikace; b) prostředky vyjádření nelingvistických faktů, konkrétně emocí a nálady; c) způsoby zahájení (otevření) rozhovoru, tedy formy pozdravu. Komunikace na chatu probíhá velmi rychle. Od komunikantů se očekává, že budou schopni vyjadřovat se takovým způsobem, aby nedocházelo ke zbytečným prodlevám (a například replika obsahující odpověď nenásledovala dvacet řádků po replice

s otázkou). Sama o sobě je rychlost komunikace jedním z faktorů formujících fungování a povahu jazyka (nejen ruského) na internetu. Dalším faktorem je pak vlastní invence komunikantů v oblasti hledání nejjednodušších cest nového vyjádření sdělení, aniž by došlo k deformaci jeho smyslu. Analyzovaný materiál obsahoval například slova-zkratky, slova s vynechanými samohláskami či nedopsaná slova. Specifickým případem je tzv. „Albanskij russkij“ (označovaný též jako „jazyk Padonků“), kterému se budeme ještě dále věnovat.

Chat má obrovský potenciál stát se jedním z nejrozšířenějších a nejpůvodnějších způsobů komunikace na internetu, a proto považujeme za velmi důležitou nabídku prostředků a možností, které jsou uživatelům-komunikantům poskytnuty pro vyjádření nelingvistických jevů. Důležitost tohoto tvrzení lze podložit například frekvencí použití právě těchto prostředků v analyzovaném materiálu. Téměř každá druhá replika zde obsahovala alespoň jeden emotikon (smajlík) či shluk písmen (symbolů) představujících určitý výkřik, vzdech nebo zvuk, známý nám z nezprostředkované komunikace (lze také hovořit o komunikaci v reálném světě, která je v protikladu ke komunikaci ve světě virtuálním).

Lingvistické prostředky, nejčastěji používané na chatu, obsahují jak formy spisovného, tak i hovorového jazyka, sociálních dialektů, žargonismů, které jsou v rámci jazykové hry (a v souladu s požadavky chatu nepoužívat vulgární lexikum) mnohdy formálně změněny. Používané jazykové prostředky jsem podle jejich charakteru rozdělil do šesti skupin:

1. psaní hůlkovým písmem – komunikant „křičí“ (velká písmena zde odpovídají zvýšení hlasu v reálné komunikaci). Ačkoliv je tato forma pravidly chatu omezena či úplně zakázána, „hlasité“ repliky se objevují poměrně často. A stejně časté jsou také reakce na ně, například „*что кричиш то*“ (zachován původní pravopis);

2. zjednodušení psané podoby slova cestou zkrácení nebo useknutí jeho části – jedná se o velmi častý jev, který je spojený právě s nutností reagovat nejen rychle, ale také adekvátně a odpovídajícím způsobem. I proto nejsou výjimkou sdělení typu „*сnc*“, „*щас*“ či „*кст*“;

3. fonetický pravopis slov či použití takových slov (spojení), která jsou běžná v ústní komunikaci, ale rozhodně nepatří do komunikace písemné: „*неа*“, „*те*“, „*чэ*“ – „*чо*“ – „*че*“, „*каво-нить*“, „*ческа*“, „*канешн(а)*“, „*што*“, „*ваще*“;

4. jazyková hra – cílem těchto replik je upoutání pozornosti ostatních komunikantů. Jedná se o způsob, jakým lze ostatní účastníky chatu zaujmout a vyvolat v nich zájem o rozhovor. Jazyková hra může mít různou podobu – v materiálu pro zpracování diplomové práce se objevily následující: „*ай эм*“, „*невер кэр вот вэй сэй*“, „*Алëëëëëëëëëëëë*“, „*никавоооо...нету*“, „*найс ник*“, „*Ya toje togu rugat nu i 4to?*“, „*сорпу*“, „*О божЭ*“;

5. autocenzura, kterou komunikanti používají jako ochranu před odstraněním své repliky moderátorem (v případě, že obsahuje nepovolená slova). Vyskytuje se v několika různých podobách – označení nevhodných slov jinými (eufemismy), záměna či vypuštění jednoho písmene v daném výrazu, vynechání samohlásek: „*иди накуй*“, „*х*й*“, „*пзду*“;

Albanskij russkij	Spisovný ruský jazyk	Příklad
а	о	пака (пока)
о	а	роскас (рассказ)
е	и/я	пелотка (пилотка)
и	е	криветко (креветка)
йе/и	я*	йезыг/изык (язык)
ц/цц	тс/тьс/дс	пацталом (под столом)
ца/цца	тся/ться**	пирецца (переться)
жы/шы	жи/ши	жызненна (жизненно)
Щ	сч	исчо (ещё)
Йа	я*	бойан (баян)
Йу	ю*	йух (юг)
ф/фф	в	аффтар (автор)

Kromě narušení normy a vytvoření souhrnu vlastních pravopisných pravidel se albanskij russkij vyznačuje ještě použitím propracovaného systému ustálených frází a klišé, sloužících pro vyjádření názoru či hodnocení určitého sdělení, publikovaného na internetu. Takový systém plně odpovídá zásadám komunikace ve virtuálním prostředí, zvláště pak na požadavek rychlé, výstižné a současně obsahově plnohodnotné a pochopitelné reakce na konkrétní jev.

4. Závěr

Albanskij russkij nemá dostatečný potenciál k tomu, aby se stal obecně platným a používaným jazykem internetové komunikace, která je stále populárnější a rozšířenější. Jak vyplývá z výsledků analýzy pro diplomovou práci (probíhala v letech 2009 a 2010), dochází postupně k omezování výskytu tohoto jevu v prostředí ruského internetu. Nicméně nelze opomíjet fakt, že v době svého největšího rozšíření (zhruba 2005 – 2008) byl velmi populární nejen mezi uživateli internetu, ale stal se také zájmem studia mnoha ruských i zahraničních vědců (nejen lingvistů).

Přenesení komunikace z reálného do virtuálního prostředí s sebou přináší také celou řadu změn na úrovni jednotlivých jazykových subsystémů. Ty se projevují zejména míšením dvou odlišných forem komunikace, tedy písemné a ústní.

Příspěvek, který vychází z poznatků získaných zpracováním diplomové práce, je jen krátkým zamyšlením nad propojením internetu jako nového sociálního prostředí a jazyka jako ustáleného a všeobecně používaného prostředku komunikace.

Seznam použité literatury:

- JANDOVÁ, Eva. *Konverzace na WWW chatu*. první. Ostrava : Ostravská univerzita v Ostravě, Filozofická fakulta, 2006. 176 s. ISBN 80-7368-254-0.
- KONEČNÝ, Jakub. *Charakteristika základních tendencí a změn v jazyce podmíněných rozvojem internetové komunikace*. Hradec Králové, 2011. 100 s. Diplomová práce. Univerzita Hradec Králové.
- МЕЧКОВСКАЈА, Nina Borisovna. *Istorija jazyka i istorija kommunikaciji: od klinopisi do interneta : kurs lekcij po obščemu jazykoznaniju*. 1. Moskva : Flinta, 2009. 584 s. ISBN 978-5-89349-854-7.

PŮŽA, Miroslav. Emotikony v mezikulturní komunikaci. in RICHTEREK, Oldřich, PŮŽA Miroslav (eds.). *Dialog kultur V : sborník referátů z mezinárodní vědecké konference*. [CD] Ústí nad Orlicí : Oftis, 2009. 679 s. ISBN 978-80-7405-045-9.

SNIGIREV, Aleksej Vasil'jevič, SNIGIREVA, Ekaterina Vladislavovna. Albanskij jazyk ruskogo internetu. In VOBOŘIL, Ladislav (ed.). *Rossica Olomucensia XLVIII : Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dni rusistů 30.08. – 01.09.2007*. 1. vyd. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. s. 137-141. ISBN 978-80-244-1994-7.

TROFIMOVA, Galina Nikolajevna. *Funkcionirovanije ruskogo jazyka v Internetu : konceptual'no-suščnostnyje dominanty*. Moskva : RGB, 2005. 509 s. Dizertační práce. Rossijskij universitet družby narodov.